Александр Косарев

18+

БАЙКИ СТАРОГО КЛАДОИСКАТЕЛЯ

Александр Косарев
Байки старого кладоискателя

https://litres.ru/74761263
ISBN 9785007156097

Аннотация

Каждый год сотни тысяч людей собирают по весне рюкзаки, специфические приборы, инструменты, и разъезжаются по нашей по стране, и по иным странам. Называют этих путешественников по-разному: поисковики или чёрные копатели. Для удовлетворения тяги этих людей к непознанному и загадочному, я написал цикл книг, посвящённых обычно скрытой от посторонних работе рисковых поисковиков и отчаянных кладоискателей. Представляю вашему вниманию первую книгу этого цикла — «Байки старого кладоискателя».

Содержание

От автора	5
Имущество графини Перси-Френч	7
Богоборческий эпизод	29
Золотая, золотая, золотая Сечь	40
Тайник Филарета	67
Легенда об исчезнувших орденах	74
Где ты, Георгий Победоносец?	92
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Байки старого кладоискателя

Александр Косарев

Золото, это сухой остаток от человеческого пота, крови и слёз

© Александр Косарев, 2026

ISBN 978-5-0071-5609-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Честно сказать, не знаю занятия увлекательнее любительского кладоискательства! Оно конечно не для всех, это ясно как божий день. Но для прирождённых любителей реальных приключений ничего лучшего и быть не может! Постоянно в движении, регулярно бываешь на свежем воздухе, общаешься с интересными людьми, да к тому же частенько оказываешься в нерядовых ситуациях… Да что вообще есть увлекательнее погони за коварно ускользающей удачей? Ну, чем же не достойное хобби для настоящего мужика?

Взять для сравнения того же рыбака-любителя. Сидит он со своей удочкой на берегу реки или заболоченного прудика, дымит вонючей цигаркой, скучает и точно знает, что именно может поймать. И выбор тот совсем невелик, или карасик ему попадётся или тощенький окунёк. В кладоискательском же деле всё совсем не так. Здесь никогда заранее не знаешь, куда тебя выведет новое головоломное расследование и что именно обнаружится на дне очередной ямы или в засыпке чердака покосившегося от старости дома. Старинные иконы, монеты исчезнувших столетия назад государств, многотонные золотые клады участников давно минувших сражений и даже драгоценные перстни мифических правителей древности! Всё это и многое другое может стать реальной добычей современного кладоискателя! Иными словами — вашей до-

бычей!

Разгадки исторических загадок, путешествия в новые места, необычайные приключения и преодоление реальных препятствий на пути к заветной цели — вот что наличествует в качестве бесплатного приложения к столь увлекательному хобби. Но именно этим-то данное увлечение и интересно! Уж не считая того неоспоримого факта, что в процессе поисков неизбежно узнаёшь множество интереснейших исторических фактов, некоторые из которых мне хочется представить вам на страницах этой увлекательной книги. Так что в путь мои друзья и коллеги! В погоню за вечными и удивительными тайнами нашей истории!

Имущество графини Перси-Френч

«Как заметил Марк Твен: „В жизни каждого человека бывает период, когда он хочет найти клад“. В наш прагматический век, когда жизнь стала однообразной и напряженной, когда дни сливаются в бесконечной, однообразной череде от обеда до ужина, от работы до выходного, от сериала до сериала, когда вкус притупляется от одних и тех же блюд, а чувства подменяются модным словечком стресс, вдруг однажды так захочется чего-нибудь необычного. И начинают сниться человеку неведомые страны, чужие города. А потом захочется найти клад. Не выиграть в лотерею кучу денег или получить большое наследство — именно найти клад».

Эти строки, как нельзя лучше подходящие для эпиграфа к данной главе, написал вовсе не я. Они принадлежат очень одарённому человеку и талантливому журналисту, по материалам которого я (как один из непосредственных участников событий) и написал совершенно эту необычную статью об удивительнейших событиях нашего недавнего прошлого. И вот я начинаю свой рассказ о делах давно минувших дней…

Окончена очередная книга. Название у неё, как мне кажется, придумано весьма привлекательное — «**Загадки старинных кладов**». Сорок пять удивительных легенд, по-

вествующих о почти сотне исторических захоронений, наверняка заинтересуют как наших, так и зарубежных читателей. Но среди них нет одной, удивительно романтичной и крайне запутанной истории, повествующей о поисках сокровищ графини Перси-Френч. И нет её там вовсе не потому, что я собираюсь что-то скрыть. Просто расследование данного дела всё ещё продолжается и представляется, что до его окончания ещё довольно далеко. А в статье, освещающей ход исторического расследования, мне хочется хотя бы в некоторой степени ознакомить читателей с ходом данного поискового процесса. И хотя бы в малой степени показать, каким удивительным образом иной раз разматываются сложнейшие кладоискательские легенды.

Заметьте, прежде чем отправиться в некое до поры до времени потаённое место с шанцевым инструментом, поисковику просто необходимо узнать всё о том человеке, с чьим именем связана очередная кладоискательская история. Мало того. Ему совершенно необходимо однозначно ответить на целый ряд довольно специфических вопросов. Например, таких: — Мог ли данный человек (или группа людей) обладать в определённый момент времени теми сокровищами, о которых говорится в легенде? Почему захоронение было сделано именно в таком-то месте и именно в определённый отрезок времени? Были ли при этом посторонние свидетели? Предпринимались ли кем-нибудь попытки впоследствии отыскать спрятанное имущество? И так далее и тому подоб-

ное.

Вы, конечно же, понимаете, что для того, чтобы точно ответить на подобные вопросы следует приложить немало усилий. Так как же в кратчайшее время отыскать ту единственно верную информационную ниточку, которая поможет ответить на все вопросы? Ответить на этот, пожалуй, самый важный вопрос, очень непросто, но я всё же попытаюсь это сделать. И поможет мне в этом благородном деле истинный автор данной истории, известный журналист из Сызрани — Сергей Зацаринный. Сразу хочется сказать, что только благодаря природной любознательности и настойчивости этого истинного знатока и любителя старины, мы с Вами имеем возможность читать эти строки.

Итак, раскрывая основную тему, я буду публиковать отрывки из писем настоящего автора данной статьи, давая к ним лишь свои небольшие комментарии. Вот что пишет житель Приволжья…

*«… Прочитал вашу книгу «**Самые знаменитые клады России**», где Вы приглашаете к сотрудничеству, и решил воспользоваться Вашим предложением. История эта началась (для меня, во всяком случае) лет 12 назад. Ко мне обратился корреспондент местной газеты и предложил встретиться с одним интересным старичком, утверждавшим, что знает место, где спрятаны сокровища одной барской усадьбы. Дедушка оказался милым цветоводом, увлекаю-*

щимся фотографией и краеведением. Он довольно энергично описывал спрятанные, якобы, ценности просил сохранить разговор в тайне и предлагал заняться поисками вместе. От нас лишь требовалось найти в архиве план усадьбы. Но вопрос, откуда ему самому стала известна столь» интимная» информация, отвечал туманно. Читал-де, в некоей деревне лекцию о цветоводстве, ну и один из расчувствовавшихся аборигенов взял, да и раскрыл ему сию тайну. В общем, особого впечатления на меня дедуля не произвёл… Навёл я справки и о самом обладателе тайны. Он меньше всего походил на наивного гимназиста, затуманившего себе голову историями о кладах. Бывший военный разведчик, фронтовик, человек очень серьёзный, прагматичный и осторожный…».

И вот перед нами самая обычная ситуация прямо указывающая на утаённый клад. Некоему человеку поступает информация о спрятанных некогда сокровищах. Какие же действия он предпринимает? А, знаете, в общем-то почти никаких. Узнаёт только то, что план усадьбы может находиться в архиве Ульяновска (областном центре), и что личность сообщившего ему некоторые закрытые для посторонних сведения, в общем и целом не так проста. Но давайте посмотрим, как развивались события далее.

«…Вспомнил я об этой встрече только несколько лет спу-

стя, когда наткнулся на информацию о самой владелице этой усадьбы. Колоритнейшая личность, скажу я Вам. И сказочно богатая. Имущества, конфискованного трудящимися массами только в её Симбирском доме, хватило, чтобы наполовину укомплектовать фонды Ульяновского художественного музея, да ещё краеведческому музею немного обломилось…»

Теперь наш корреспондент получил вполне определённый ответ на вопрос о том, кем была обладательница богатства, и заодно узнал, откуда собственно у неё оказались спрятанные впоследствии сокровища. Вот что он сообщал по этому поводу.

«Кэтлин Эмилия Александра Перси-Френч родилась 20 июня 1864 года в Лондоне. Ее отец Роберт Максимилиан принадлежал к старинному ирландскому роду, известному еще с XVI века. Он владел замком Монивей в графстве Галуэй и, как истинный аристократ, избрал сферой своей деятельности дипломатическое поприще. Служил в Бельгии, Швейцарии, Испании. А еще он являлся членом Мальтийского ордена — закрытой аристократической корпорации Европы, вход в которую был доступен лишь избранным. А вот матерью девочки была Софья Александровна Киндякова, представительница симбирского дворянского рода, ничуть не менее старинного и почтенного. Ее предки владели здесь землями почти с самого основания города и играли за-

метную роль в жизни нашего края.

Прадед Софьи Александровны — Василий Афанасьевич не раз избирался предводителем дворянства. Все симбирские Киндяковы были людьми очень образованными и культурными и даже оставили след в русской литературе. Тетка Софьи Александровны — Аделаида стала прототипом Лермонтовской княжны Мэри, а действие гончаровского романа «Обрыв» и вовсе происходит в их родовом имении — Винновке. Такие вот два причудливых генеалогических древа сплелись в 1863 году в Свято-Троицкой церкви в Париже, где состоялось венчание Роберта Максимилиана и Софьи Александровны. Дочь свою они окрестили по католическому обряду. Но вся жизнь её оказалась связанной с (православной) Россией.

Матерью самой Софьи Александровны была Эмилия Скребицкая, дочь тайного советника. Род этот имел совсем иную славу, чем просвещенные и гуманные Киндяковы и, кстати, тоже вошел в литературу. Кто-то из писателей вывел их в своих произведениях под фамилией Скверницких. Факт, говорящий сам за себя. Славились Скребицкие очень дурным обращением со своими крепостными. Зато были богаты. Им принадлежало громадное имение с центром в селе Теренька, по площади не уступающее иному захудалому европейскому княжеству, где помимо пашен и крепостных были выстроены суконные фабрики, мельницы и много всякого другого добра.

А теперь давайте вернемся к Софье Александровне Киндяковой, которая в 1863 году сменила фамилию на Перси-Френч. Видимо от своих предков Скребицких она унаследовала непростой нрав, потому что всю жизнь с кем-то не ладила. С отцом, мужем, дочерью. Видимо, пытаясь спасти семью, Роберт Максимилиан в 1872 году перевелся на службу в Россию советником посольства, но это не помогло. Супруги расстались. Разводиться не стали, просто разъехались. Софья с дочерью, которую теперь все звали Катей, поселилась у отца в Симбирской губернии, ее муж, выйдя в отставку, стал проводить большую часть времени на курортах Франции и Италии, вращаясь в кругах европейской знати.

Между тем отмена крепостного права медленно, но верно разоряла российское дворянство. Тем более что само оно и не думало отказываться от прежних привычек. Поездки за границу, неразумная и показанная роскошь уничтожали последние остатки благосостояния, все больше погружая привыкших жить чужим трудов господ в пучину долгов. Юную Катю эти проблемы не тревожили, до поры до времени…

Она получала хорошее домашнее образование, учиться играть на рояле, ездит в гости к отцу за границу. У нее было множество знакомых среди европейских аристократов, в этом чопорном мире традиций и амбиций Екатерина стала своей, даже была принята при дворе королевы Виктории.

Это не понравилось матери. Под разными предлогами та перестала отпускать дочь к отцу. Когда Екатерине исполнилось 18 лет, они с матерью поселились в Сызранском уезде в селе Головино. Откровенная глушь, что по нынешним временам, что по тогдашним. Вряд ли это понравилось молодой девушке. Два года спустя она попыталась сбежать к отцу. По телеграмме матери ее задержали жандармы уже недалеко от границы, за права дочери вступились английские дипломаты. Разразился скандал. Задерганный материальными и семейными неурядицами дедушка Александр Киндяков, слег в постель и вскоре умер.

Юная девушка все же добилась своего — уехала к отцу. Вернуться она согласилась лишь в том случае, если мать уступит ей родовое дедово именье — Киндяковку. Ей пошли на встречу. Так двадцатилетняя девушка стала полноправной симбирской помещицей. Именно тогда она твердо решила связать свою судьбу с Россией. Хлопочет о подданстве, упорно занимается хозяйством. Волевая и энергичная Екатерина Максимилиановна быстро осваивала науку ведения успешного сельского хозяйства. Дела ее идут все лучше и лучше. К тому же в 1899 году умирает барон Стремфельдт.

Внучатой племяннице он оставил имение в деревне Вельяминовка, а это ни много ни мало 2813 десятин, земли в Трубетчино, Новой Демидовке, Русской Темрязани, мельницы, стекловаренный завод, а, кроме того, как сказано в завеща-

нии: золото, серебро, бриллианты, драгоценные камни и другие фамильные вещи, библиотеки и тому подобное. А через три года после смерти матери Екатерина становится полновластной владелицей всех бывших владений Киндяковых и Скребицких. Теперь она была одной из крупнейших землевладелиц Симбирской губернии. И одной из богатейших, добавим от себя.

В её имениях широко применялись самые передовые достижения тогдашней сельскохозяйственной науки, машины, лучшие сорта. Во главе имений стояли образованные специалисты. Все это давало огромный доход. Ее симбирский дом превратился в настоящий музей из-за обилия картин, статуй, других произведений искусства. Благо образование и состояние позволяло заниматься коллекционированием».

Теперь, прочитав только эти строки наши читатели могут в полной мере осознать, какими именно капиталами и материальными ценностями ворочала Екатерина Перси-Френч. И несомненно в своём загородном имении — Вельяминовке она хранила большую их часть. Ведь не будем забывать о том, что в Симбирске (нынешнем Ульяновске) она появлялась не так часто. Большую часть доставшихся ей по наследству многопудовых фамильных сервизов, картин, хрустальных, серебряных и бронзовых статуэток и прочих безделушек она держала именно там, где проводила большую часть

жизни. Будучи страстной охотницей, она, кроме прочего, собрала и целую коллекцию уникального охотничьего оружия. Я уж не говорю о целом ворохе чисто женских украшений, к которым была вовсе не равнодушна. И, следовательно, сам факт наличия совершенно неподъёмных сокровищ именно в районе ныне исчезнувшей усадьбы представляется вполне достоверным.

Следуя законам кладоискательского жанра необходимо выяснить, что именно заставило нашу героиню поспешно спрятать собственное добро. Вновь процитирую С. Зацаринного:

«Тайна любого клада всегда состоит из многих вопросов. Существовали ли ценности вообще? Почему были спрятаны? Почему не были забраны впоследствии? Вроде простые вопросы, а сколько сил и времени уходит на поиск ответов. Как говориться: «Скоро сказка сказывается…». Но ответ на первый вопрос я получил однозначный — было что прятать»!

К моменту, когда, собственно, и начинается история клада, Екатерина Максимилиановна Перси-Френч была обладательницей имений в Винновке, Тереньге, Вельяминовке, Головино, Гладчихе, кроме того владения в Вятской губернии, несколько хуторов, мельницы, фабрики, лучший в регионе племенной скот. Тринадцать тысяч десятин земли. Великолепные фамильные коллекции и библиотеки. Помимо

всего прочего была барыня, что называется «слаба к суетности мирской» — любила красивые безделушки, украшающие быт и интерьер. Часы, статуэтки, дорогую посуду. Перечислять можно долго. Но я вынужден перевернуть эту страницу моего повествования. Мы оставляем «Россию, которую мы потеряли». Страну купцов, дворян, балов, карет и усадеб. Теперь наш рассказ будет о бунтах, грабежах, насилиях, поджогах, убийствах. О вихрях враждебных. О революции…

Но для нас это, прежде всего — великая эпоха кладов, ибо трудно представить себе другой период истории, оставивший после себя большее количество спрятанных ценностей. Огромная многовековая Российская империя, «Третий Рим» в одночасье распалась в прах, похоронив под своими обломками не только судьбы миллионов людей, но и несметные богатства, собранные многими поколениями. Содержимое дворянских усадеб, купеческих подвалов, заветных сундуков и укладок, банковских хранилищ — все кануло в неизвестность. Что-то смогли все-таки удержать под своим контролем, постоянно меняющиеся власти, малую толику удалось увезти за границу частным лицам, а кое-что до сих пор прячут в заветных шкатулочках потомки «бывших». Остальное исчезло.

Почему никто ничего не вывез, не спрятал, не закопал? Да потому что свято верили, что этот хаос воцарился ненадолго. Екатерина Максимилиановна вообще в 1917 году перебралась из Москвы в Симбирск, чтобы было легче присмат-

ривать за имениями в это смутное время. Многие внутренне были готовы к тому, что власть неизбежно сменится, не ждали от этого ничего хорошего, но и особой трагедии в том не видели. Да и освобождающиеся «от гнёта» трудовые массы первое время вели себя более или менее цивилизованно. Крестьян интересовала земля — её они и забрали первым делом. Да и то не насовсем, а вроде как в долгосрочную аренду на очень льготных условиях.

В октябре 1917 все переменилось самым радикальным образом. Власть рабочих и крестьян обернулась полной анархией и экономической катастрофой. Не Советы отбирали тогда собственность у «бывших» — это делали все кому не лень. У кого в руках было оружие, тот имел и власть. Парадоксально, но Перси-Френч, по иронии судьбы оказалась одной из первых, кто признал Советскую власть. Она весьма законопослушно обратилась в Совет с жалобой на революционных солдат, «разбивших», как она тактично выразилась в ее погребе три тысячи бутылок редчайших коллекционных вин. Она еще не хотела поверить, что все потеряно и «старая жизнь» ушла безвозвратно. Хотя в её письмах уже сквозили нотки отчаяния. Она пишет, что все её имения разорили и сожгли.

Это письмо заинтересовало меня больше всего. Так может, все происходило именно тогда? Пускай имение сожгли, но верному управляющему что-то удалось спрятать. Впрочем, эта гипотеза не давала ответа на все остальные вопросы.

А именно, почему не достали спрятанное добро потом, когда страсти слегка улеглись? Ведь летом 1918 года наш край оказался под властью «Комуча» — правительства, ставившего своей целью установление в России конституционного строя. Оно было признано ведущими мировыми державами, на одном из митингов в его поддержку в Симбирске выступала и Перси-Френч. Именно в эту пору многие из сызранских дворян отрыли свои заветные тайнички.

Передо мной воспоминания одной из Воейковых. До революции они владели имением в селе Самайкино, а затем, лишившись всего, очутились в эмиграции в Харбине. В этих воспоминаниях приводиться рассказ ее отца о временах гражданской войны в нашем крае, который невольно бросает свет на то, как вещи тогда становились кладами. Отец мемуаристки вспоминает, что до лета 1918 года дворяне в основном жили по своим именьям, крестьяне их не трогали. Никто не собирался никуда уезжать, хоть и шел уже восьмой месяц Советской власти. Мертваго жили в Репьевке, Мусины-Пушкины в Сызрани… Все переменилось, когда город и округу заняли белочехи. Против них двинулась Красная Армия. Воейковы убрались из Самайкино, кстати, закопав перед отъездом в саду фамильное столовое серебро, по пути заехали к Мертва́го, но те ехать с ними отказались.

Так что летом 1918 года Екатерина Максимилиановна никуда не собиралась уезжать. Она поверила, что порядок будет скоро восстановлен, и не предприняла никаких мер для

срочной эвакуации своего имущества. И не она одна так поступила! Наступление красных было стремительным. В сентябре пал Симбирск, третьего октября Советская власть пришла в Сызрань. Теперь с ней рука об руку шел голод и «красный» террор. Никто из бывших богачей уже не думал о сокровищах в это ужасное время. Главной целью для людей стало просто выжить.

Сразу по возвращении красных Екатерина Перси-Френч попала в тюрьму, в январе ее отправили в Москву, там ее случайно (!) увидел могущественный чекист Ян Петерс и приказал отпустить (!). Потом она почти год жила в миссии датского Красного Креста, потом ее вывезли в Финляндию, а затем в Англию. Не раз она, наверное, вспомнила добрым словом покойного отца, умолявшего не отказываться от британского гражданства. Прав был старый дипломат Перси-Френч. Но Россия духовно так никогда и не отпустила его дочь. Жить в Англии она не стала, перебралась в Харбин, один из центров тогдашней русской эмиграции, где и прожила до самой смерти 1938 году. До последних дней она была дамой весьма состоятельной, живо интересующейся политикой и привечавшей у себя дома иностранных дипломатов».

Можно в данном месте остановиться и подвести некоторый промежуточный итог. Что мы теперь знаем точно? Знаем, что некие сокровища у графини Перси-Френч действительно были, и в определённый момент она была вынуждена их срочно спрятать. Но понятно без каких-либо допол-

нительных комментариев, что в одиночку справиться с задачей подобного рода ей было просто не по силам. Значит, у неё имелся как минимум один помощник, и, скорее всего, им стал управляющий её поместьем. Вполне логично. Доверенный человек, как-никак! Может помочь с упаковкой, переноской… Наконец, крепкий мужчина и лопатой способен поработать!

Зададимся теперь следующим немаловажным вопросом. Почему же управляющий, рано или поздно поняв, что хозяйка больше не вернётся, не воспользовался своими знаниями о кладе? Что именно помешало ему достать спрятанное добро и малость обогатиться? И на этот вопрос Зацаринный сумел найти ответ. Вот что он написал по этому поводу: — *«Чем дольше живешь — тем больше убеждаешься: неисповедимы пути Господни. Мог ли я подумать, что снова вернуться к таинственной истории о сокровище Перси-Френч меня заставит вернуться никто иной, как сам Вальтер Николаи — легендарный и загадочный шеф германской разведки времен Первой Мировой войны, один из величайших шпионов богатого событиями XX века.*

Вообще-то эту главу моего рассказа правильнее было бы назвать: «О пользе чтения книг», потому что не попадись мне на глаза скромный невзрачный сборничек с подзаголовком: «Рассказы о чекистах» — это расследование так никогда и не было бы написано.

В общем, как-то вечером я возвращался с работы. Путь

мой лежал мимо Самарского рынка, в окрестностях которого, прямо на тротуаре разложили свой нехитрый скарб несколько торговцев. У одного из них рядом со старыми валенками, фуфайкой и металлическими предметами, неизвестного мне назначения, лежали потрепанные книжки, одна из которых привлекла мое внимание. Серенькая, в бумажном переплете, на обложке которой, вместо названия, красовалась чекистская эмблема — щит и меч со звездой. Я взял ее в руки и, прочитал на титульном листе: «Не выходя из боя». И подзаголовок: «Рассказы о чекистах». Выпущена Куйбышевским книжным издательством в 1972 году. Поколебавшись с минуту, я сунул ее в карман. Впереди был длинный и унылый ноябрьский вечер, а для этого времени нет лучшего занятия, чем неторопливое чтение какой-нибудь детективной или шпионской истории.

И вот, когда за окном уже окончательно стемнело, я, запасшись кружкой крепкого чая, перебрался к печке, чтобы, не торопясь, изучить свое приобретение. Книжка рассказывала о работе куйбышевских чекистов, и я сразу начал искать что-нибудь относящееся к Сызрани. Уже несколько минут спустя я углубился в чтение очерка «Конец дела «Залёт».

Рассказ относился к началу 30-х годов и повествовал о такой малоизвестной странице истории наших спецслужб, как противостояние разведке панской Польши. Польская разведка того времени считалась одной из лучших. Именно

поляки выкрали и передали англичанам большинство секретов нарождающегося Третьего рейха. Был у них и вполне оправданный интерес к нашему региону. Дело в том, что Германия была несомненным «пионером» и лидером в разработке химического оружия. Лишившись после поражения в Первой мировой войне возможности иметь его, немцы перенесли все разработки на территорию своего союзника — Советской России, сосредоточив их в наших краях. По соседству с Сызранью в Чапаевске заработал завод по производству боевых отравляющих веществ «Берсоль», а к югу от нашего города разместился испытательный полигон химического оружия в Шиханах (так называемый объект «Томка»). Не удивительно, что поляки и, стоящие за ними англичане, всеми силами стремились обзавестись агентурой на Средней Волге.

В январе 1932 года к резиденту английской разведки в Варшаве обратился некий господин Мильский, недавно приехавший из Самары. Он заявил, что есть возможность создать разведывательную сеть в этом стратегически важном регионе и, что у него уже есть агенты для этого. Дмитрий Коротков в Самаре, Олег Караваев в Сызрани и Отто Клюге в Инзе. Предложением заинтересовались. До сих пор англичане и поляки собирали интересующую их информацию через немецких рабочих, приехавших из российской командировки, а тут возможность работать прямо на месте. Так в анналах спецслужб возникла резидентура под названием

«Барнаба».

Меня, естественно, больше всего заинтересовал тот, кого скрыли под псевдонимом Олег Караваев. Тем более, что судьба этого человека стала принимать самые причудливые очертания. Скромный руководитель драмкружка в сызранском клубе железнодорожников, получив предложение о сотрудничестве с зарубежной разведкой, немедленно обратился в ГПУ. Дальше началась полная опасностей и приключений жизнь двойного агента. Переходы через границу, явки, шифры, пароли, досье с разведданными. Кончилось все, как и положено в таких случаях, полным посрамлением врага и безоговорочной победой наших «штирлицев» над их «джеймсами бондами». Из трех участников «Барнабы» Караваев, как мы уже знаем, оказался агентом ГПУ (Государственное политическое управление при НКВД), Клюге с самого начала отказался от сотрудничества, а Коротков, в этих условиях так и не смог «отдуться» за всех. В 1935 году резидентура была ликвидирована, так и не выполнив своего назначения.

Сосредоточив все свое внимание на Караваеве, я как-то почти не обратил внимания на Отто Клюге, тем более что он сразу выбыл из игры. Но, уже дочитав очерк, я никак не мог избавиться от ощущения, что пропустил нечто важное. Стал читать снова. И вдруг понял, что именно меня обеспокоило. В краткой биографической справке Отто Клюге значилось: «до революции работал управляющим

имениями у крупной помещицы англичанки Пейм-Френч». Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что под этим псевдонимом скрывается именно Перси-Френч — хозяйка той самой усадьбы, о которой мне некогда рассказывали. Значит, управляющий ее именьями остался после революции в России и перебрался в Инзу. По возрасту, он вполне мог быть знаком с моим сызранским собеседником, тем самым стариком-цветоводом!

Я снова впился глазами в очерк. Теперь меня интересовало все, что связано с Отто Клюге. На мое счастье, автор рассказа был, видимо, человеком весьма многоопытным в сфере работы с информацией и сумел буквально в нескольких строках сообщить немало. Когда я, наконец, отложил эту невзрачную, исчерканную карандашными детскими каракулями книжку, мне стало уже совершенно ясно, что бывший управляющий имениями Перси-Френч — личность куда более загадочная, чем могло показаться на первый раз.

В Симбирскую губернию он приехал в 1905 году из Риги, после революции в 1920 году арестовывался органами ОГПУ. В резидентуру «Барнаба» его пытался вовлечь старый знакомый Мильский, причем именно в Клюге незадачливый шпион был особенно уверен. Еще один интересный факт: всех других членов формировавшейся в центре России разведсети учили пользоваться тайнописью, а вот бывшему управляющему почему-то сразу прислали зашифрованное письмо. Вряд ли умение кодировать корреспонденцию было непремен-

ным достоинством всех тогдашних специалистов в области сельского хозяйства. Или это было отличие лишь друзей Мильского? Кстати последний (германский подданный между прочим) появился в Самаре перед самой Первой мировой и имел в определенных кругах устойчивую репутацию немецкого шпиона. К слову сказать, после неудачи с поляками, он плавно перетек под крылышко «Абвера» (немецкая военная разведка). Но это уже другая история.

Меня же все-таки больше интересовал Клюге. По всему выходило, что это бывший немецкий шпион, засланный еще кайзером. В Германии произошла революция, по Версальскому договору была ликвидирована разведка, а агент так и остался жить в России, всеми забытый, пока «товарищ по работе» не попытался пристроить его на службу к полякам и англичанам. Теперь вся история начинала приобретать совсем иной оборот. И здесь мне не обойтись без упоминания о Вальтере Николаи.

Шеф немецкой разведки по сей день считается одним из величайших шпионов в истории. Причем по той самой парадоксальной причине, что о его деятельности почти ничего не известно. А это и есть первый показатель качества. Ведь разведчик становится знаменитым, только когда проваливается. С людьми Вальтера Николаи этого почти не случалось. Во всяком случае в России за всю Первую мировую, по его словам он не потерял ни одного сотрудника. Схватили и даже повесили кое-кого, но скорее больше по принципу

«крайнего», чем ввиду реальной причастности к вражеской разведке.

Агенты Вальтера Николаи были другого поля ягоды. Он говорил: «Разведка — профессия господ», и действовал соответствующе. Его всегда интересовала элита. И, видимо, британская подданная Перси-Френч, обладавшая поместьями в Симбирской губерний, как нельзя лучше подходила устремлениям гения шпионажа. С местным дворянством были связаны премьер и просто министры, крупнейшие армейские поставщики. Если обладатель тайны сокровища усадьбы Перси-Френч был агентом иностранной разведки, то вполне объяснимо, почему он надолго оставил в покое спрятанные ценности. Такие люди, оказавшись в неблагоприятной обстановке обычно умеют терпеливо ждать. А потом, видимо, что-то помешало. Может быть та самая история, описанная в маленькой серой книжечке «Не выходя из боя»? Теперь я уже точно знал, что если узнаю тайну Отто Клюге, то это будет ключом к загадочному кладу».

Так вот оказывается в чём дело! Вот почему грандиозный клад графини дожил до наших дней! Волею судеб оказавшись причастным к истории сокрытия сокровищ, бывший управляющий был отнюдь не частным лицом и даже в какой-то степени несвободным человеком. Активно занимаясь разведывательной деятельностью, подвергаясь при этом преследованию органами ОГПУ, Клюге просто не имел возмож-

ности заняться ценностями. Вначале его попросту выгнали из Вельяминовки крестьяне. Затем угодил в лагерь, а после него на принудительные работы. В дальнейшем он был вынужден сменить место жительства и долгое время жить под надзором спецслужб. А когда, наконец, смог больше располагать собой, от бывшей великолепной усадьбы не осталось и следа. Осталась только память о бесценном кладе, которую он (по неизвестной пока причине) передал своему соотечественнику.

Озвученные мною письма сызранского корреспондента, разумеется, имели своё продолжение, да ещё какое! Я и представить себе не мог, в какие приключения и авантюры мне придётся ввязаться, и в расследовании каких масштабных тайн принять участие. По результатам проведённых вблизи Вельяминовки поисков я написал аж две потрясающие книги: «**Бронзовый крест, золотая печать**» и «**Тень мальтийского креста**». Рассчитываю, что они когда-нибудь будут изданы и непременно попадут в руки тех читателей, которые любят как реальные приключения, так и удивительные чудеса, происходящие буквально сейчас, в наше с вами время!

Богоборческий эпизод

Никогда не знаешь заранее, когда и от кого поступит очередное кладоискательское повествование и в какую сторону света направится наша поисковая группа, намеревающаяся подтвердить или однозначно опровергнуть полученную информацию. Возможно некоторые читатели, после прочтения большей части данной книги решат, что в нашей стране клады лежат на каждом углу и в том, чтобы их отыскать, нет ничего сложного. На самом деле это далеко не так. Надо ведь понимать, что с каждым годом количество кладов (всё ещё остающихся ненайденными) непрерывно сокращается, а сложность их обнаружения напротив, возрастает, причём многократно! Фактически на сегодняшний день в розыске в основном числятся столь хитро спрятанные захоронки, что для их отыскания нужно располагать практически неограниченным бюджетом.

Но иногда всё же случаются неожиданные сюрпризы. Рядовая встреча с давним поклонником моего творчества неожиданным образом обернулась новым расследованием, по времени связанным с бурными послереволюционными годами. Во время нашего разговора Сергей Антонович (так звали моего читателя) неожиданно припомнил некий разговор, состоявшийся у него с давним коллегой по работе. Тот опять же в частной беседе упоминал о своём отце, некогда

проживавшем в селе Дубосище, Смоленской губернии, (ныне Глинковского района Смоленской области). Село в те годы, в отличие от нынешнего времени, было зажиточным и довольно густонаселённым. Данный факт подтверждает хотя бы тот факт, что в этот населённый пункт являлся центром волости! И мало того в нём действовали сразу две большие каменные церкви!

Собственно говоря, именно о событиях вокруг одной из тех церквей и шёл тот разговор. Сослуживец Сергея припомнил, как отец рассказывал ему о том, что однажды в село приехал большой отряд чекистов и те начали массовые допросы местных жителей. Основной задачей новоявленных представителей коммунистической власти было изъятие церковных ценностей. Но по прибытии их на место оказалось, что изымать особо-то нечего. Всё, что было мало-мальски ценного в громадном храме, включая значительную часть икон, необъяснимым образом исчезло аккурат накануне их появления! Отец сослуживца вспоминал, как чекисты, в поисках церковного имущества, раскапывали на кладбище свежие могилы и даже расстреливали тех, кто отказывался давать показания. Впрочем, результата они так и не добились и через несколько дней уехали восвояси, забрав с собой священника и ещё нескольких жителей села.

Сообщение было, конечно же, интересное, но начинать какие-либо активные действия представлялось преждевременным, поскольку конкретики в рассказе сослуживца Сер-

гея содержалось крайне мало. Следовало для начала собрать больше информации, чтобы оценить обстановку и понять, насколько реально отыскать давно исчезнувшие церковные ценности. Но оказалось, что сделать это крайне непросто. Каких-либо сведений о месте тех трагических событий в «Интернете» оказалось крайне мало. С большим трудом мне всё же удалось найти воспоминания Иеромонаха Рафаила (Ивочкина) посвященные как раз селу Дубосище, и напечатанные в его книге «Ельнинская земля: православные храмы».

Вот что сообщал Иеромонах об интересующих нас событиях: «Село Дубосище одно из самых древних на Смоленщине. В начале 18 века, здесь, на средства И. М. Каховского, была построена деревянная церковь во имя Успения Божьей Матери. Более чем через сто лет, в селе была воздвигнута новая деревянная церковь во имя Успения. Позже в селе был возведен каменный храм. В 1883 году он был освящен в честь Благовещения Божьей матери. Несколькими годами позже в Дубосищах стал действовать ещё один каменный храм во имя святителя Феодосия Черниговского. С Дубосищенским приходом тесно связаны судьбы многих священников, но одной из самых ярких остается судьба последнего священника этого села — Михаила Стефановича Жеглинского.

Родился отец Михаил в ноябре 1865 года в семье священника, в городе Белый Смоленской губернии. В 1887 году М.

С. Жеглинский окончил Смоленскую духовную семинарию. Первые десять лет отец Михаил служил в селе Язвино. А в 1898 году был назначен настоятелем Благовещенского храма села Дубосище. Из воспоминаний односельчан известно, что отец Михаил входил в состав благочинного Совета второго округа Ельнинского уезда (района). Поэтому ему часто приходилось отлучаться по делам в разные деревни и села своего благочиния. Жеглинского помнят, как образованного, умного, волевого человека. Крестьяне часто обращались к нему не только по духовным вопросам, но и с просьбами разрешить ссору, споры, помочь в хозяйственных нуждах.

У отца Михаила была большая семья — жена Анастасия Ивановна и пятеро детей: Неонилла, Стефан, Анна, Вера, Серафима. Все дети получили хорошее образование. Вера и Анна стали преподавать в церковно-приходской школе. Семья Жеглинских жила обычной сельской жизнью. Их быт мало чем отличался от быта односельчан».

Обратимся далее к воспоминаниям сторожила села — С. Г. Новикова: «Дом семьи Жеглинских находился на церковной горке, жили небогато, содержали скот, огород, имели предметы земледелия и скотоводства…». А вот дубосищенские церкви Новиков вспоминает примерно так: «Церкви были красивы в своём оформлении. Вверху под куполом были изображены в полный рост святые и ангелы. Высота купола — метров 15. Окна были застеклены разноцветными стеклышками».

С установлением Советской власти в селах закрываются храмы, усиливают давление на верующих и начинаются репрессии против духовенства. Священники в свою очередь стараются помешать закрытию своих церквей, снятию колоколов и крестов с куполов. Отца Михаила довольно быстро обвинили в том, что он выступил против изъятия церковных ценностей. В 1922 году он был арестован и заключен на три года в Смоленском изоляторе. Невеликое имущество семьи Жеглинских было конфисковано. Из заключения отец Михаил вернулся не совсем здоровым. Есть сведения о том, что до 1928 года он жил в доме на Соборном дворе в городе Смоленске и даже служил в главном Соборе. Однако точных подтверждений тому не сохранилось.

В 1930 году против М. С. Жеглинского были выдвинуты новые обвинения, как руководителе антисоветской группы. Вот выдержки из обвинительно заключения: «Вели систематическую агитацию среди крестьян села Дубосище и окружающих деревень, для чего созывали подпольные собрания, на которых обсуждали вопросы борьбы с проводимыми советской властью мероприятиями. Как то: хлебозаготовки, колхозное строительство. 7 января, в День Рождества, используя религиозные предрассудки…, вызвали массовое выступление верующих и направили недовольство крестьян на представителей власти».

В процессе суда 6 человек, включая М. С. Жеглинского, были приговорены к 10 годам лишения свободы, а двое

— к 5 годам. Осужденные были заключены под стражу с 9 февраля 1930 года». Фактически же весьма пожилого человека приговорили к смертной казни. Состояние здоровья при аресте отца Михаила было слабым, врачом он был признан нетрудоспособным. У 65-летнего М. С. Жеглинского был миокардит, артериосклероз…

В «Книге памяти Смоленской области» значится: «Жеглинский Михаил Стефанович — родился в 1865 г.; русский; б/п; с. Дубосище, священник. Арестован 11 февраля 1930 г. Глинковским РО ОГПУ. Приговорен: тройка ПП ОГПУ Западной обл. 30 марта 1930 г., обв.: 58—10, 59—2. Приговор: 10 лет концлагерей Реабилитирован 20 июня 1989 г. Прокуратура Смоленской обл.»

Не менее печальна дальнейшая судьба самих дубосищенских храмов. В 30-е годы прошлого века они были закрыты, разграблены. Стены двух опустевших храмов стояли до 1941 года. Немцы, оккупировавшие село, храмы взорвали, а кирпич использовали для улучшения дорог. В 1960-х годах остатки кирпича разносились жителями по домам на хозяйственные нужды…

В общем, тайна начинала потихонечку раскрываться. Выходило так, что именно Жеглинский, как бывший настоятель храма Благовещения Божьей матери вполне и очень даже мог быть причастен к исчезновению церковных раритетов! Причём действовал он явно не в одиночку, а в составе целой (как тогда выражались) антисоветской группы. То-

то он был осуждён не один и сразу на десять лет! Да, конечно восемь человек, крепко верующих и точно не любящих большевиков за их антихристианскую политику, были вполне способны не только подготовить потайное хранилище, но и при необходимости оперативно переместить в него ценности, собиравшиеся на протяжении более двухсот лет!

Я бы совершенно уверен, что это им удалось сделать. Но вот проблема. Все осуждённые, во всяком случае, те, кто был признан активным членом антисоветской группировки, получили слишком большие сроки, чтобы вернуться в родные края живыми и здоровыми. Не будем забывать и о том, что даже если кто-то из осужденных и смог возвратиться в родное Дубосище, то прибыл он туда точнёхонько к началу Второй Мировой войны, после завершения которой вряд ли кому было дело до некогда спрятанных ценностей!

То есть по всем прикидкам получалось, что некогда устроенный православными активистами тайник так до сих пор и не обнаружен! Ведь у меня не было ни малейшего сомнения в том, что делали его на совесть, выбрав для этого крайне пустынную и непопулярную у местных жителей местность. Вариант сокрытия церковного имущества в чьём-либо подвале я даже не рассматривал. Село довольно многолюдное, много глаз, много ушей, кто-нибудь да что-то мог увидеть или услышать чисто случайно. Нет, нет, укрытие было сооружено достаточно далеко от Дубосище и подготовили его наверняка загодя. Ведь если не все, то многие понимали, в

каком направлении развиваются события и осознавали, чем может кончиться дело.

И, конечно же, лучше всех это понимал сам М. С. Жеглинский, уже отсидевший за свои убеждения несколько лет в смоленском изоляторе. И показательно, что в село, где он некогда служил, священник возвращается именно в 1928 году, когда по всей стране была развёрнута самая настоящая компания по искоренению не только христианской веры как таковой, но и прежде всего её материальной основы. Двух лет ему и его единомышленникам как раз хватило бы на то, чтобы построить надёжный схрон, на случай непредвиденных обстоятельств и «сюрпризов» со стороны советской власти.

Итак, теперь я ничуть не сомневался в том, что где-то в окрестностях села Дубосище имеется весьма богатый (с исторической точки зрения) тайник и мне оставалось лишь отыскать его в непролазных чащобах смоленских лесов. Скажете — невозможно! Охотно согласился бы с вами, скажи вы мне подобное несколько месяцев назад. Но на тот момент в моём распоряжении был удивительный инструмент, позволяющий отыскать если не иголку в стоге сена, то уж подобный по массе объект — просто наверняка. Дело в том, что несколькими месяцами ранее я свёл знакомство с одним интересным человеком, который по географической карте, выпущенной после какого-либо события, мог отыскать материальные следы, оставшиеся от данного события. Зная только

отправную точку — церковь в селе Дубосище, он мог сразу сказать, в каком направлении и как далеко были вывезены храмовые ценности.

Карт Смоленской области у меня под рукой было с избытком, и я без промедления отправился на встречу с моим информатором. Не прошло и получаса, как у меня на руках был лист формата А — 3, на котором было проставлено несколько крестиков, один из которых был жирно обведён фломастером. Я смотрел на карту и, честно говоря, не верил своим глазам. Всё было словно как по заказу. Сильно пересечённая болотистая местность, лишённая даже малейших намёков на присутствие поблизости хоть каких-то населённых пунктов. Угрюмая лесная чащоба, словно самой природой предназначенная для осуществления секретных миссий!

Но забраться в эту глухомань всё же было возможно, особенно если в твоём распоряжении имелись лошади, запряжённые в телеги. Дело было в том, что от дороги общего пользования, которая существовала и в те времена, перпендикулярно основной трассе отходила просёлочная дорога, которая была вполне чётко обозначена даже на карте 1924 года! И вот этот самый просёлок проходил буквально в «двух шагах» от того места, где и был организован церковный тайник (вполне возможно, что не один). Так что надеюсь при первой же возможности приехать в Смоленскую область и непременно отыскать давно исчезнувшие ценности Благовещенской церкви. Тем более что среди них наверняка

есть один крайне интересный и даже по-своему знаменитый предмет. Вот что удалось о нём узнать, отыскав интервью, данное Ольгой Владиславовной Кучевской, правнучки отца Михаила.

«Как одну из самых памятных страничек жизни вспоминает Ольга поездку в Новоспасское к отцу Николаю. Это он познакомил её с удивительным человеком, который первым рассказал Ольге Владиславовне о чудотворной дубосищенской иконе. Этот человек, к сожалению, Ольга запомнила только его имя — Иван, был знаком с одной монахиней, у которой был список с этой иконы. Но до сих пор люди вспоминают, что была в дубосищенском храме икона с необычным изображением Божьей Матери. На ней Божья Матерь была без младенца, облаченная в царские одежды и корону, на фоне леса, молящаяся на коленях, с прижатыми к груди руками. Все говорят о древности и необычности этой иконы».

Иными словами вполне возможно, что в лесном тайнике хранится крайне редкий образец русской иконописной школы 17-го, а может быть и 16-го века! Хотя, по словам моего информатора, перевозку ценных предметов, денежных средств и икон осуществили всего три человека на одной телеге, у меня не было сомнений в том, что даже такую скромную по массе захоронку удастся обнаружить. Ведь её местонахождение было чётко привязано к одной необычной особенности местного рельефа. Главное теперь — дождаться то-

го времени, когда сойдут талые воды и можно отправляться на очередные поиски. Хотя, конечно же, шансы обнаружить крайне малоразмерный тайник крайне малы, поскольку вряд ли его объём превышает один кубометр. Но всё же попробуем…, а вдруг!

Золотая, золотая, золотая Сечь

Как во всякой приличной организации в нашей маленькой компании вольных кладоискателей тоже бывают ежегодные собрания. Пьём чай, вспоминаем былые походы, распределяем дивиденды и намечаем планы на будущее. Во время одной из таких посиделок кем-то и был поднят вопрос о «Кладе Запорожской Сечи». Даже не то чтобы поднят, скорее слегка обозначен. Упомянут в длинном списке незавершённых дел и тех полумифических объектов, само существование которых вызывает у трезвомыслящих поисковиков сильное сомнение. Но в тот раз разговор повернулся таким образом, что все единодушно сошлись на той идее, что в первый же большой выезд на юг, есть смысл уделить некоторое время именно этой теме. Дело в том, что впервые за долгое время было решено отправиться в Краснодарский край и Астраханскую область, чтобы проверить некоторые давно накопившиеся идеи.

Но понятно, что как бы мы не добирались до этих регионов, наш путь, так или иначе, пролегал бы по Ростовской области. Причем здесь Ростовская область? Какое она имеет отношение к золоту Запорожской Сечи? Сейчас расскажу и поясню.

Существует много мифов и легенд, связанных с кладами, зарытыми на просторах Ростовской области. Люди в на-

дежде разбогатеть, настойчиво ищут их, изучают легенды, исторические факты и ветхие от времени карты. Известно несколько довольно крупных кладов Донской земли, но кажется, их до сих пор всё ещё не нашли. А первый, и, пожалуй, самый известный из них это «**Клад Запорожской Сечи»** (казна Запорожской Сечи). Усреднённая легенда (почерпнутая из разных источников) так повествует об этом историческом эпизоде: «Давно Запорожских казаков притесняли с одной стороны Польские рыцари, а с другой великая Российская держава. Когда в 1775 году Екатерина вторая своим указом прикрыла вольницу Запорожской Сечи, одни казаки приняли её решение согласием, другие напротив, пошли против самодержавной власти. В надежде создать на иноземных землях свою новую вольную республику, они отправили **два обоза** гружённые драгоценностями (золотыми монетами, драгоценными камнями и пр.), общим весом примерно в одну тонну. Один обоз двинулся в сторону Каспийского моря, а другой отправился к Чёрному.

В каждом обозе перевозилось по 32 бочонка, залитых сверху смолой. Но один обоз, тот, что двигался на Донскую землю (к Каспию) был загружен дукатами (серебряные и золотые монеты), итальянскими цехинами (золотая монета весом в 3,5 гр.), всевозможными драгоценностями с камнями, военными трофеями и прочими высоколиквидными ценностями. Обоз бдительно охраняли молодые казаки с военным опытом, готовые в любую минуту защитить сокровища. А

вот второй обоз двигался вполне отрыто, не придерживаясь какого-либо строгого маршрута, поскольку перевозил в очень похожих бочонках лишь песок да камни, так как приставленные к телегам казаки старались таким маневром отвлечь внимание дозорных Российской империи.

В конечном счёте, ложный обоз, ну, конечно же, попался в лапы конных патрулей, предусмотрительно высланных князем Г. А. Потёмкиным по всем проезжим дорогам Малороссии. Охрану его разоружили и вроде как даже направили в Санкт-Петербург, дабы продемонстрировать ценный трофей Екатерине II. Ложный обоз, таким образом, свою задачу выполнил с блеском, приняв на себя основной удар преследователей. Но, что же сталось со вторым, настоящим обозом? Куда делась реальная казна? Ведь по стечению обстоятельств и он не дошёл до конечной цели! Запорожцы не получили поддержки Донских казаков и были вынуждены прятаться по балкам и буеракам. В конце концов, после ряда мелких стычек их осталось очень мало, и они (по всей видимости) спрятали казну Запорожской Сечи на донской земле, предположительно не так далеко от Ростова. Но вот где именно находится место упокоения клада запорожских казаков и поныне никому не известно…».

Само собой столь качественно слепленная история не могла остаться незамеченной. Многочисленные доброхотные кладоискатели разыскивали казну Сечи в окрестностях ростовских катакомб, в балке Сухой Чалтырь, где нашли

останки волов с остатками традиционной украинской упряжью! А в конце девятнадцатого века предприимчивые кладоискатели даже создали акционерное общество, нацеленное на поиск утраченного сокровища. Они подробно изучили исторические факты и даже нашли некую указующую карту у монахов из Ростовской Нахичевани. Монахи скопировали её с татуировки на теле одного мастерового пришельца из Крыма, после его трагической смерти. Это был (вроде как) один из выживших казаков, некогда зарывавших Запорожскую казну…

Как говорится в очередной легенде, члены акционерного общества смогли разгадать тайну карты, но помешали перемены, пришедшие на территорию Российской Империи (сначала случилась Первая мировая война, а следом пришли революция и гражданская война). Именно во время гражданской войны карту увезли за границу, а в 1942 году, во время оккупации Ростова, немецкий патруль задержал подозрительных румынских солдат с украденным металлоискателем. При них обнаружили карту в виде бумажной женщины с татуировками. Румынских солдат немцы за воровство расстреляли, но русские подпольщики, среди которых был краевед-патриот, успели заменить подлинник подделкой (мы балдеем). По одной версии теперь данная карта находится в Ростовской области на руках у этого человека (местного краеведа), но он никому ничего не говорит о ней и даже не показывает, охраняя тайну от посторонних. По второй версии

она хранится в частной коллекции некоего жителя Ростова.

Посмотреть со стороны та эту историю — просто классика жанра! Тут тебе и коварные властители, замышляющие недоброе против свободолюбивого украинского казачества. Здесь вам и царские сатрапы, попавшиеся на хитрость всё того же казачества. Отважные воины, спасающие народное добро, секретный маршрут тайного обоза, таинственный казак с татуированной шкурой, спрятанные и многократно перепрятанные наидостовернейшие карты с указанием места заложения аж 1000 килограммового клада…! Эх, не нашлось на столь роскошный сюжет своего Роберта Л. Стивенсона, а то он точно бы написал продолжение в духе неподражаемого «Острова сокровищ». Наверняка и название бы придумал что-то вроде «Секретные тачки в степях Украины».

Да, собственно говоря, дело даже и не в названии, как таковом, а в той исконно народной сказочности, которую безвестные создатели данного повествования не пожалели, при создании этого нетленного шедевра. То-то кладоискатели всех мастей так живо откликнулись на него, то-то перекопали все окрестности г. Ростова, да и не только их. В общем, настал наш черёд, чтобы наконец-то однозначно отделить зёрна от плевел в этом полуфантастическом сюжете.

Прежде всего, следовало понять, а была ли вообще у Войска Запорожского возможность скопить тонну ценностей на «чёрный день»? Не будем забывать о том, что «**Запорож-**

ские казаки» это часть украинских казаков, первоначально, днепровские казаки, создавшие в XV — XVI вв. целый ряд стихийных военных организаций и укрепленных поселений за днепровскими порогами. На какое-то время они оказались вне зоны административной юрисдикции каких бы то ни было государств. Постепенно отдельные отряды объединились в централизованную военную организацию — Войско Запорожское, получившее своё наименование по названию региона проживания и расположения главного военного укрепления (и штаб-квартиры), именуемого «сечь».

После восстания Богдана Хмельницкого в 1648 году и перехода под контроль Войска Запорожского и власть запорожского гетмана территорий Речи Посполитой, располагавшихся на землях современной Северной и Центральной Украины (официально именуемой «Войско Запорожское», а после присяги на Переяславской раде в 1654 году и вхождения Войска Запорожского на правах автономии в состав Русского царства — «Малой Русью»). В Российской Империи они официально именовались «малороссийскими казаками». Примерно к этому же периоду относится первое письменное упоминание о создании в низовьях Днепра укрепленного казацкого лагеря (Сечи), оставленное польским хронистом Мартином Бельским.

По его рассказу, казаки по Днепровским порогам летом занимались промыслами (рыболовством, охотой, пчеловодством), а зимой расходились по ближайшим городам (Ки-

ев, Черкассы и др.), оставляя в безопасном месте на острове в Коше несколько вооруженных огнестрельным оружием и пушками казаков. Рассказ Бельского о запорожцах позволяет сделать вывод, что объединение отдельных сечей в единую Запорожскую Сечь произошло, вероятно, где-то в 1530-х гг. К этому времени относит возникновение первой сечи и исследователь В. А. Голобуцкий. Впоследствии целый ряд «Сечей» в низовьях Днепра просуществовал до 1775 года.

Уже к началу XVI века запорожские казаки сложились в значительную военную силу, доставлявшую определенное беспокойство соседям. В 1524 году, при правлении великого князя литовского и короля польского Сигизмунда I, был выдвинут проект создания организованного казачьего войска, привлечённого на государственную службу Великому княжеству Литовскому и Русскому. Но из-за недостатка финансовых средств, проект тогда не был реализован. В 1533 г. староста черкасский и каневский, Евстафий Дашкович, предлагал устроить в низовьях Днепра за порогами постоянную стражу тысячи в две человек, но этот план также не был выполнен.

Вспомнили об идеях привлечения казаков на государственную службу в интересах отражения нападений с юга, и в новообразованном после Люблинской унии 1569 года, польско-литовском государстве — Речи Посполитой. 2-го июня 1572 г. король Сигизмунд II Август подписал соответствующий универсал, в соответствии с которым, коронный гетман

Ю. Язловецкий нанял для службы первых 300 казаков. Они давали присягу на верность королю и должны были, находясь в полной боевой готовности, отражать вторжения татар на территорию Речи Посполитой, участвовать в подавлении выступлений крестьян, восставших против панов, и в походах на Москву и Крым.

Эти казаки были занесены в специальный список (реестр), подтверждавший их права и привилегии, связанные с их государственной службой. Из-за чего их называли «реестровыми», т.е. переписанными и пересчитанными по головам! Так возникло «Войско Его Королевской Милости Запорожское». В сентябре 1578 года король Стефан Баторий издал указ под названием «Соглашение с низовцами». Количество реестровых казаков увеличивалось до 500 человек, а в 1583 — до 600. Реестровые казаки получили во владение городок Трахтемиров в Киевском воеводстве, где размещались войсковая скарбница (казна), архивы, арсенал, госпиталь, приют для бессемейных инвалидов. Король передал казакам знаки власти — клейноды (хоругвь, бунчук, булаву и войсковую печать).

То есть мы видим, что к временам правления Екатерины II всевозможные разновидности «сечей» существовали в Запорожье более 200-т лет! Они соединялись, распадались, воевали, но, тем не менее, удерживали под своей властью значительные территории, причём не только военной силой, но действуя и экономическими рычагами. Давайте рассмотрим,

на чём держалась экономика казацких республик. Как и за счёт чего наполнялась военная казна Запорожской Сечи?

Финансовая система Запорожской Сечи сформировалась под влиянием польских, киевских и литовских бюджетно-фискальных институтов в Украине. В Запорожской Сечи имелся некий централизованный склад, который являлся хранилищем не только денег, но и различных ценностей, которые находились в распоряжение Коша. Сокровищница служила также архивом и составом воинских клейнодов и трофейных украшений. Она же выполняла роль центрального арсенала, где хранились боеприпасы и оружие. Данный общественный «институт» функционировал и как кассовый центр, ответственный за выполнение запорожского «бюджета», т.е. как государственная казна, в которую стекались доходы и откуда производились необходимые платежи.

В служебные обязанности казначея — шафара принадлежало: Приём доходов; Выдача денег и вещей; Ведение учета кассовых сумм и материальных ценностей; Составление отчетов кошевому и казацкой Раде.

Шафар исполнял обязанности государственного казначея и интенданта. В состав скарбового старшины входили два шафари, два пидшафарии и кантаржей (хранитель мер и весов) с небольшим штатом канцеляристов. Для составления характеристики казны Запорожской Сечи рассмотрим доходные статьи бюджета, которые расходовались на оплату сечевой и паланковую администрации, церкви и школы, де-

нежное и материальное обеспечение казацкой службы.

Главным источником доходов Запорожской Сечи, Войска Запорожского низового, кроме природного богатства большого черноземного края, были военная добыча, внутренняя и внешняя торговля, продажа вина, пошлина от товаров, подымный налог и царское жалованье.

Первым и прямым источником доходов запорожских казаков была добыча, полученная на войне с турками, татарами и поляками, Отправляясь в каждый поход, запорожцы присягали перед святым

Евангелием в том, что каждый из них не скроет ничего из военной добычи, а все добытое добро доставит в шалаш для разделения между всем обществом. Вернувшись из похода, запорожские казаки делили добычу, лошади, рогатый скот, овец. По обычаю лучшую долю добычи казаки отдавали на церковь, а ту, что оставалась, делили между собой. Одни её быстренько прогуливали до последнего гроша, а другие (более бережливые) хоронили на «черный» день.

Вторым источником доходов Войска Запорожского низового была всякого рода торговля, внутренняя и внешняя. Все торговцы, купцы и промышленники, которые вывозили и привозили на Сечь разный товар, торговали в слободах, селах и зимовках, вносили определенную плату к военной казны или полковых: от куфи муки или припасов — рубль, от рыбы, пойманной в Буге, — три первых десятки «колья» на полковника, писаря и есаула, которые были при рыбных

заводах, и четыре других десятки — на сечевую старши́ну. Если рыба была продана или потеряна и не было выделено от её доли для военных чинов, то с рыбаков взималась её стоимость деньгами. На всех запорожских рынках присутствовали особые начальники, военные кантаржеи, которые следили за правильностью весов и мер, назначали цену привезенный товар, собирали пошлину с торговцев в военную казну.

Особенно большую пошлину давали шинки, широко распространенные на Сечи. Будучи свободными, запорожские казаки имели право варить мед, пиво, брагу и продавать спиртные напитки. По документам архива 1770 г., во всех пределах запорожских казаков насчитывалось более 370 кабаков, которые приносили армии в целом 1120 рублей в год, в том числе от аренды обычного кабака, без погреба — 2 руб. 50 коп. А с погребом, где можно было держать пиво и мед — 4 руб. 50 коп. Это сумма распределялась на 45 паев между войском таким образом — кошевому судьи, писарь, приказчика, 38 куреням, церкви, войска, довбиша и пушкарей пополам — по 24 руб. 51 коп. Кроме того, валки, которые привозили на Сечь с Украины, Крыма, Польши белое вино или водку, также платили пошлину на церковь и старшину: на старшину с каждой куфи по рублю. Кроме денег, брали так называемое «представительное вино» — по одному ведру (которое у казаков назывался кружкой) тому, кто продавал вино или водку, или того, кто сам покупал их, — общим числом 7 ведер. Лишь тот, кто платил эту двойную пошлину,

мог продавать свой товар, и то только по цене, определенной Кошем.

Весомым источником монетарных доходов запорожских казаков было также «мостовое», то есть плата с проезжих купцов, торговцев, промышленников и чумаков за перевоз через реки. Запорожские казаки принимали «мостовое» от каждого воза и от всякого скота за перевоз через реки и делили эти доходы между старшиной и всем войском. Пошлина была неодинакова в разные времена.

Запорожский Кош настоятельно просил московского царя о праве получать пошлину за переправу Переволочанского на Днепре, и хотя царь Алексей Михайлович подарил в 1675 г. запорожцам особой грамотой право на половину сбора с той переправы, гетман Иван Самойлович задержал ту грамоту у себя, а при преемнике Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, совершенно лишил запорожцев права на владение Переволочанской переправой. Для сбора пошлины возле переправ существовала особая старшина, которая состояла из шафарь, подшафарь, писцов и подписарий. Трудно и даже невозможно определить с точностью всю цифру годового дохода, которую получал Запорожский Кош за перевозы через реки: это зависело от большего или меньшего движения чумаков, торговцев и купцов, в свою очередь зависело от урожая, улова рыбы, добычи соли, безопасности проездов через татарские степи и т. д.

Немалую долю военных прибылей составил «дымовой»

налог, который запорожские казаки собирали из так называемых «сидельцев», которые жили в селах и зимовниках и считались подданными мочевого

общества. Налог был постоянным и временным: постоянный до 1758 г. составил 1 руб. из семьи, а с 1758 до 1770 гг. — 1 руб. 50 коп.

Однако предназначена запорожским казакам плата не выдавалась, потому что государственная казна Речи Посполитой часто была пуста. Даже бывало, что и его собственное войско не получало надлежащего жалованья. Из-за неуплаты денег Войско Запорожское иногда действовало вопреки политическим расчетам Речи Посполитой или враждебно выступало против самой Польши, каралось поляками. Только со времени, когда запорожцы наладили отношения с Москвой, они стали получать случайные денежные подарки, а затем и постоянную, четко оговоренную плату.

В 1620 г. царь Михаил Федорович послал известному в те времена гетману, кошевому атаману низовых казаков Петра Конашевича Сагайдачного «легкого жалованья» 300 рублей за то, что он, находясь за порогами Днепра, свою службу хотел «оказывать» царю против всяческих врагов царских, и ходил на татарские улусы и многих татар побил и взял в плен. В 1634 р., Во время заключения Поляновского мира Польши с Москвой, поляки наряду с другими статьями требовали от Москвы, чтобы московский государь ежегодно присылал деньги Войску Запорожскому, как того требовала грамота и

как то бывало в прошлые годы.

На это условие московские послы отвечали: «Казакам запорожских какое жалованье и за какую службу давалось и какая у них грамота есть, того не упомнить; думаем, что это могло быть, когда запорожские казаки великим государям служили, и теперь, когда начнут служить, то им государева „кование“ (выплата) будет по службе».

Так что регулярно получать деньги от московского царя запорожские казаки начали лишь со времени присоединения Украины к Великомосковскому государству, т.е. с 1654 г.

Для сохранения всеобщей воинской казны у запорожских казаков существовала так называемая сокровищница. Был возведен особый статус отписания (учёта) военной казны и военный табель о рангах. При сечевой церкви под опекой военного суда сохранялась и особая, неподвижная казна. Сей казной могли пользоваться только с общего согласия старейшин старшина и куренные атаманы. В случае нарушения этого правила виновного казнили, а все его имущество отбирали в пользу войска, несмотря на то, был тот знатным казаком, или простым.

Вместе с денежным содержанием запорожским казакам выдавалось хлебное, а также боевое содержание (свинец и порох, что экономило грандиозные суммы). Кроме царского хлебного содержания, запорожские казаки получали иногда продовольственные запасы из Киево-Межигорского и Саморсько Николаевского мельниц. Так, 4 сентября 1759 г. из

монастырских мельниц Самары и Самарчик на Сечь для военной канцелярии было отправлено по одной бочке пшена, пшеничной и ржаной муки. Однако ввезенного свинца, пороха, денег и хлеба не хватало для всего Войска Запорожского, поэтому запорожцы часто изготовляли его сами.

Сначала вся плата выдавалась Войску Запорожскому золотой и серебряной монетой, но с 1764 г. только медной. Запорожцы требовали заменить медные монеты серебряными или золотыми, однако к концу существования Сечи зарплата им выдавалась только медными деньгами.

Все военные прибыли запорожские казаки тратили, прежде всего, на общественные дела — покупку боевых припасов, продовольственные товары, оборудование переездов, содержание духовенства, построение лодок, на содержание военной старши́ны. Но часть военных прибылей неизбежно оседала у отдельных лиц.

В обращении на Запорожской Сечи были деньги разных стран: Турции, России, Польши и. т. п. По свидетельству летописца, у запорожских казаков кроме червонцев, в обращении были такие монеты: львы, орлянки, четвертины, пивталяркы, орты, тимфи, шостаки, шаги, чехи, галаганы. После Полтавской битвы, по распоряжению российского царя Петра, все эти деньги были выведены из обращения, а вместо них Малороссия была наполнена «Русскою медною да серевряною дровней (серебряной чеканкой) и твердой монетой краснымъ кунштомь изданному».

Для пущей наглядности, я свёл в небольшую таблицу известные источники военного сокровища (в твёрдой «металлической» валюте) Запорожской Сечи с конца XV в. по 1775 г.).

Источники сокровища	Характер доходов
Кошевой и религии	Доходы от промышленной эксплуатации рыболовных и охотничьих угодий, земель (зимовщиков и хуторов)
Военная добыча	Военные трофеи, добытые саблей – «Казацкий хлеб»

Источники сокровища	Характер доходов
Субсидия королевская, царская и гетманская	Помощь деньгами, хлебом, водкой, военными припасами со стороны России и Гетманщины, до 1648 г.- Польши
Военный оклад	Налог на пользу сечевой и паланковую старшины. Взимался без иммунитетов и необлагаемого минимума по всем казаков (куренных и женатых) по 1 руб. 50 коп. с души (во второй половине XVIII ст.). Женатые казаки (гниздовики) вносили дополнительный налог из семьи
Пошлина	За перевоз товаров из соседних стран транзитом через запорожские земли. За перевоз водки принималось натурой
Хозяйственная десятина и медовое	взимались в паланках от хуторов и мельниц натурой, от промыслов и пасек - деньгами. За пользование посполитыми военной землей - 10 процентов урожая
Торговое	Налог акцизного типа с торговцев, на сечевом рынке - 10 процентов от стоимости товаров
Куфовий сбор	От каждой привозной бочки (куфи) спиртных напитков по одной кварте (около 1 л) или ее стоимость деньгами
Налог с кабаков	По 2,50-5,00 руб. в год платили в сокровище хозяева, держали кабаки (трактиры) в Сечи, паланках и зимовках
подымная	Налог с домов в селах простонародья (Крестьянства), подданных войска, жившие в паланках (палатках).
Мостовое	Плата за перевозы по Днепру и прочих реках, в пределах Запорожских Вольностей
Арендная плата	С магазина и дубы (грузовые лодки), что принадлежали куренным. Расходовалась на нужды куренного общества
Руга, роковщина	На содержание церкви и духовенства
Прочие доходы	Бесхозяйное, выморочное, конфискованное имущество, выкуп за пленных и осужденных, судебные штрафы…

Так что я надеюсь всем понятно, что на Запорожье сформировалась новая украинская (впрочем, скорее казацкая) государственность, которая оперировала весьма значительными суммами. Поэтому сомневаться в том, что казаки за 200 лет смогли сформировать мобильную казну весом всего лишь в одну тонну, совершенно не приходится. Вспомним-ка в связи с этим, сколько бочонков куда-то там вёз обоз из легенды? Правильно, всего было 32 бочонка. Тысячу килограммов делим на тридцать два, и получаем что-то около 31,3 кг. Грубо говоря, каждый бочонок весил примерно по два пуда, что тоже вполне достоверно.

Кстати сказать. Всего одна пара волов легко перевозила 50 и даже 60 пудов груза! Так что весь золотой запас Сечи мог запросто уместиться всего на одной подобной упряжке! И вот тут-то мы сталкиваемся с неким парадоксом. Представьте себе этакую картинку — обычная просёлочная дорога где-нибудь под вконец сомлевшим под жарким солнцем Мариуполем. По дороге не спеша ползёт воловья упряжка с живописным оборванцем, сидящем на ко́злах. Гей, цоб-цобе! Звонко щёлкает кнут, но волы не обращают на оглушительное щёлканье ни малейшего внимания. Им тоже жарко и хочется хоть к вечеру добраться до тихой речки, утопающей со всех сторон в выросшей по грудь медовой траве…

Кто будет долго рассматривать сию неторопливо плетущуюся повозку, заинтересует ли она хоть кого-то из местных селян? Нет, никого она не заинтересует. Вот если бы на её

козлах сидел кум Грицко, две недели назад уехавший в Херсон, ну-у, тогда да… Но поскольку кума нет, то пусть себе эта убогая телега едёт дальше.

Теперь немного изменим картинку. По дороге всё так же тащится одинокая телега, но теперь впереди неё, позади, да и по бокам тоже скачут конные сотни с шашками наголо. А позади всей многочисленной процессии ещё и пара небольших пушек грохочет разношенными шкворнями на ухабах…

Обратят ли люди внимание на такой конвой? Несомненно! Со всех сторон сбегутся! Во все окошки любопытные лица повылезут, и ещё неделю после этого будут обсуждать столь редкое событие! Это понятно, обычная деревенская психология. Кто в провинциальной Украине никогда не бывал, то этого может быть в полной мере и не осознает, но на самом деле так там велось издревле! Обычный воз везде и всюду проедет совершенно незамеченным, но тот же самый воз с мощной вооружённой охраной, будут помнить целый год!

Какой же мы делаем вывод из вышеизложенного эпизода? А очень даже простой. Скорее всего, вовсе и не сокровища всей Запорожской сечи вывозил данный обоз, в том и нужды особой не было. Нет, нет, господа! Везли они банальную взятку, надеясь с её помощью подкупить донское казачество и подбить его на совместные действия против центральной Российской власти. Почему нет? Запорожцы уже не раз поступали подобным образом и даже не два. Польские хозяева

мешали — нападали на поляков без зазрения совести. Литва недоплатила — и Литву можно пограбить! Российские власти наступили на хвост — а ну-ка мы им на всём юге восстания устроим!

Везли они свою взятку в совсем небольшом обозике, максимум из трёх-четырёх воловьих упряжек. Бочонки маскировали самым незатейливым грузом, навалив поверх них сено или дрова. И охрана при обозе была самая незначительная, всего-то пяток бедно одетых всадников. Ведь самым главным для данного обоза было вовсе не показать свою военную мощь, а совсем наоборот — укрыться от любопытных глаз своей обыденностью и зубодробительной скучностью. Ведь подобных крошечных обозиков по территории российского юга двигалось превеликое множество. Торговцы и предприниматели той поры везли зерно, глиняные горшки, муку, вяленую рыбу, арбузы, стройматериалы, солому и множество иных, самых заурядных вещей на продажу или в уплату податей. И не было лучше способа затеряться в этом нескончаемом потоке, как слиться с ним и решительно ничем не выделяться!

Посмотрим, что же случилось с нашим обозом далее? Судя по общему тону легенды, переговоры запорожцев с дончанами не задались. Не берусь сказать почему. Может быть, предложенная взятка показалась тем слишком маленькой (мы ведь не знаем наверняка, что конкретно везли в обозе), а может быть просто момент для совместного выступления

был выбран не совсем удачно. Но, так или иначе, но казаки двух больших общин к общему знаменателю точно не пришли. Возникла довольно странная коллизия. По идее сопровождающие запорожский обоз лица свою работу выполнили — т.е. доставили пресловутые бочонки под Ростов в целости и сохранности. Они ведь перевозчики никак не рассчитывали на то, что им же придётся везти их обратно!

Почему это для них было крайне нежелательно? Да всё просто и понятно! Ведь они же добрались без приключений до окрестностей Ростова только потому, что никто не знал об их тайной миссии, и о том, что именно они везут под сеном или дровами. Вот только теперь об этом стало известно очень многим! И риски для обозников сразу же возросли в геометрической прогрессии! Одно дело, если груз сдал, расписку получил и можешь во весь опор скакать до родной хаты на быстром скакуне, и совсем другой, если тяжкий груз остался при тебе. На весь обратный путь налегке у них ушла бы максимум неделя. Но тащиться на перегруженных волах обратно в Запорожье — это почти месяц пути! И неизвестно откуда и с какой стороны за этот месяц можно ожидать внезапного удара. Ведь переговоры не удались и, следовательно, они оказались не на дружественной территории, а на как минимум не очень сочувствующей. Тут могло случиться всякое. Донцы могли просто сообщить властям о прибытии подозрительного запорожского обоза с ценностями, а могли и сами попытаться отбить халявное се́ребро и зла́то!

Так что запорожцы довольно быстро сообразили, что им следует как можно скорее освободиться и от медлительных упряжек, и от тяжкого груза. Волов легко обменять на лошадей, но куда девать треклятые бочонки? Вариантов было всего два: утопить или закопать! Наверняка ценности они действительно закопали у какого-то приметного объекта. Использовали для этой цели курган, сухую балку, или столетний дуб, не столь важно. Важен был только тот факт, что быстро вывезти обратно в Сечь неподъёмно тяжёлые бочонки десяток человек никак не мог. Но и оставить их просто так валяться на дороге они тоже не имели права, сокровища как-никак, общественное добро!

По всей видимости, наших неудачливых переговорщиков действительно ловили и преследовали, на это все легенды о запорожском золоте намекают однозначно. Вероятно, запорожцы оказались в такой ситуации, что они были вынуждены спасаться поодиночке, поручив сокрытие ценностей лишь двум-трём своим сотоварищам. Отсюда происходит и вся дальнейшая неразбериха с якобы кем-то сделанными и вроде бы впоследствии утерянными картами заветного места. Времена тогда были лихие, а народ по большей части — совершенно безграмотный.

Составить качественную карту, по которой кто-либо другой мог отыскать запорожский клад, оказалось тоже крайне непростым делом. Скорее всего, «похоронщиками» были нацарапаны некие примитивные кроки (план местности, на-

скоро сделанный путём глазомерной съёмки), поиск по которым могли осуществить только они сами. Но как сложилась дальнейшая судьба людей, вынужденно спрятавших ценности на много сотен миллионов современных рублей, нам конечно не ведомо. Вероятно, их, так называемая карта, и в самом деле была найдена совершенно посторонними людьми, но те, по всей видимости, не смогли привязать её к какой-либо реальной местности.

Поскольку анализ легендарного материала не выявил каких-то явных подтасовок и однозначных несуразностей, было решено провести масштабное сканирование обширных местностей между Донецком и Ростовым, там, где некогда проходил старинный чумацкий шлях. Ведь, скорее всего тайный запорожский обоз продвигался именно по нему. Но пока мы собирались в дорогу, на Украине начались давно предсказанные мной кровавые события разгорающегося на Украине конфликта, и программу масштабно задуманных поисков пришлось заметно сократить. Было решено проехать только по трассе Миллерово — Шахты — Новочеркасск — Чалтырь — Азов.

Мы очень надеялись на то, что именно в окрестностях данной трассы наша аппаратура дальнего поиска сможет уловить крупную залежь цветного металла. При неудаче был запланирован и план «Б». Следовало объехать вокруг самого Ростова, а после этого двигаться через Чалтырь на запад. Затем планировалось посетить дороги Таганрог — Новоазовск,

и Таганрог — Матвеев курган. Если и там ничего похожего не будет обнаружено, то мы просто продолжили бы путешествие на юг, выполняя другую более масштабную поисковую программу.

Что же показали поиски на указанных выше трассах? Они дали весьма неоднозначный результат. Скажу сразу, никаких чересчур уж громадных масс золота или серебра на данном маршруте обнаружено не было. Хотя несколько подозрительных точек всё же привлекли наше внимание. Правда, поняли мы это только через двое суток после того, как завершив объезд Ростова, укатили в сторону Краснодара. Сидя в гостинице Тимашевска, мы в какой-то момент принялись обрабатывать накопленные во время поездки данные. Только тогда наше внимание привлеки эти три точки. Причём привлекли именно тем фактом, что все они располагались вдоль одной из старых дорог, причём расстояние между ними было на удивление одинаковым, порядка 11—12 километров.

И тут нас осенило. Ба, да ведь мы упустили самое главное! Ведь в столь сложный и непредсказуемый поход запорожские атаманы послали в столь «стрёмный» поход своих самых-самых из самых бывалых казаков! Мало того, что все они должны были быть отменными бойцами, так ещё они должны были уметь вести сложные переговоры и знать, как выкручиваться из любых самых хитроумных ситуаций! То есть кошевые атаманы послали на опасное и ответственное задание настоящих «тёртых калачей». А раз так, то они, эти

самые-самые должны были понимать, что всегда лучше перебдеть, нежели недобдеть, особенно если тебе поручено отвечать за столь немалые сокровища!

Как бы они действовали, понимая, что их миссия может закончиться и полным провалом? Подстраховались бы? Точно! Они бы начали прятать перевозимые бочонки не после переговоров, а заранее, за несколько дней до их начала!!! Так что они устроили три «похоронные» ямы ещё на подъезде к славному городу Ростову. Причём каждую новую закопушку сооружали ночью, во время ночной стоянки. Помните знаменитую украинскую поговорку: Тиха украинская ночь, но сало нужно перепрятать! Вот они и прятали под покровом ночи своё «сало» чётко понимая, что в случае бездарной утраты ценностей им попросту не сносить голов!

А на основные переговоры запорожцы наверняка явились лишь с одним бочонком, заранее и по всеобщему согласию обречённым на дарственное «заклание». Стало быть, и все последующие легенды о приключениях Сечевого обоза изначально была ложными (во всяком случае, в какой-то их части) рассчитанными на окончательное запутывание тех, кто примется данный клад искать, искренне полагая, что он един и лежит не так далеко от города Ростова. Ведь ценности на самом деле были разложены в трёх тайниках и на достаточно приличном удалении от конечной цели путешествия запорожцев.

Так что когда мы закончили свои дела в Краснодарском

крае, то решили ещё раз доехать до Ростова и тщательно проверить все подозрительные точки на «вшивость». Первую из них не без трудностей удалось отыскать на крутом берегу реки (xxx). Видимо там некогда была выкопана уходящая в береговой откос щель, в которой бочонки какое-то время и хранились. Сейчас там только намётанный взгляд заметит небольшую просадку в почве, хорошо видную лишь на рассвете, когда солнце едва встало. Надо заметить, что там были и две местные приметы — стоящие на расстоянии примерно сорока метров друг от друга — глубоко вросшие в землю белесые валуны. Закладка же была сделана как раз на срединной точке между ними.

Вторая подозрительная точка тоже была опустошена в стародавние времена. Она располагалась около небольшого водоёма, сплошь заросшего густой южной растительностью. Не лучшее место для устройства клада, но именно там он и был спрятан. Казаками была вырыта довольно глубокая яма, в гуще непроходимых зарослей, так что следы от неё заметны даже сейчас.

А вот с исследованием третьей точки получилась досадная заминка. Причём в отличие от первых двух, наша аппаратура стала своеобразным образом «барахлить», косвенно давая понять, что мы находимся вблизи от реальной (пока не вынутой из земли) массы ценного металла. Только провести финальные поисковые работы мы были не в состоянии, поскольку в данном месте было выстроено несколько больших

производственных зданий. Причём было понятно, что ранее на данном месте был небольшой лесной массив, видимо даже с родничком в его середине. Но теперь большая часть рощи была вырублена и застроена, а от родника остался лишь уходящий вдаль овражек.

Так что, походив вокруг да около, мы сделали пару снимков на память и отправились восвояси, довольно чётко понимая, что где-то в бывшей роще могут до сих пор лежать несколько бочонков с сокровищами запорожского казачества. Скорее всего, именно те люди, которые были ответственны за сохранность первой укрытой от посторонних глаз порции ценностей, не смогли вернуться на данное место, а их сотоварищи (по вполне понятным причинам) о точном месте их захоронения не были осведомлены изначально.

Тайник Филарета

Странные письма с очень спорными гипотезами приходят иной раз на мою почту, заставляя вновь и вновь собираться с духом, прежде чем по-дружески указать их авторам, что они сильно заблуждаются в своих догадках. Вот пример одного из таких посланий…, вернее часть его.

«Жесточайшая борьба за власть в России по времена Бориса Годунова провоцировала противников первого избранного царя не стесняться в выборе средств и методов. Удары ножом из-за угла, смертельные яды в бокале, и даже откровенное колдовство — всё годилось в сражении за вожделенный трон. Главными противниками Годунова были бояре Романовы, которые, в конечном счёте, всё же смогли основать новую правящую династию. Но прежде чем добиться скипетра и державы, им всем пришлось пройти через отнюдь нелёгкие испытания. Отголоски тех далёких событий дошли до нас не только в виде документов следственных лед о ведовстве, но и в легендах о «романовском кладе».

Историки не располагают документальными свидетельствовами о пребывании на территории нынешней Липецкой области самого царя Бориса Годунова. Зато и по сей день здесь бытует легенда о патриархе Филарете, бывшем боярине Фёдоре Романове, сосланном Годуновым по обвинению в колдовстве в дальние вотчины, а затем постриженного в

монахи.

Предание гласит, что во время гонений на Романовых в самом начале XVII века, именно небольшой городок Лебедянь, расположенный в Липецкой области, стал пристанищем патриарха Филарета. Считается, что именно здесь он припрятал «романовское приданное», чтобы то не досталось Годунову. Позднее в 1621 году, в версте от города на Яблоневой поляне Романского леса, Филарет возродил захиревший в Смутное время Свято-Троицкий монастырь ставший впоследствии женским.

Родилась та легенда не на пустом месте. Бояре Романовы владели обширными территориями современного Липецкого края ещё с XVI века. Заботясь об охране Русского государства, Иван Грозный назначил начальником сторожевой и станичной службы брата своей жены — Анастасии, боярина Никиту Юрьева-Романова и пожаловал ему во владение территории неподалёку от современного Ельца. А оттуда и до Лебедяни рукой подать! Поэтому в народе и сохранилась молва о том, что оказавшись в опале, неугодный старший сын Никиты — Фёдор Романов уехал в свои вотчинные земли.

Причем сокрытием крупных ценностей и строительством монастыря его пребывание в Лебедяни не ограничилось. Согласно легенде, именно в Свято-Троицкий обители, в храме пророка Божия Илии, строительство которого относят к XIV веку, Фёдор Никитич Романов и был пострижен

в монашеский чин под именем — Филарет.

Пока легенда о Романовском кладе не нашла своего подтверждения. Велика вероятность того, что его не существовало вовсе. Однако есть версия что Филарет позаботился о ценностях ещё до своего по́стрига и где-то в Лебедянских землях действительно сокрыты воистину царские сокровища».

Сильный посыл у автора письма, как вы считаете? Один намёк на участие «сильных мира сего» в том или ином кладоискательском повествовании как правило, сильно повышает к нему внимание поисковиков. Оно и понятно, властители дум и кошельков, как правило, вовсе не альтруисты по складу характера и иной раз действительно оставляли значительные вложения в «земельном банке». Конечно, зачастую местом сохранения значительных исторических ценностей является вовсе не земля, как таковая. Вот, например, совсем недавно была найдена знаменитая тиара Петра I. Так её отыскали на чердаке одного из ломов Санкт-Петербурга, а вовсе не в каком-нибудь подвале или лесной яме! Тем не менее, по-старинке все подобные захоронки принято называть вложениями именно в «земельный банк», а не какой-нибудь «стропильный» или «подвальный».

Но о чем же, собственно говоря, пишет мне мой корреспондент? А пишет он мне о том, что сильно подозревает господина «Филарета» в сокрытии немалых ценностей, которые (по его мнению) следует незамедлительно разыскать,

вытащить и по-братски поделить на неравные части! Но поскольку подобного рода операции крайне трудны и накладны, мне следовало быть полностью уверенным в том, что вышеупомянутый клад действительно имел место быть в тех краях! А для этого следовало изучить биографию главного «подозреваемого» куда как подробнее. Причём следовало помнить, что нас интересует совсем небольшой отрезок времени (согласно фабуле письма) т.е. от 1600 и вплоть до 1620-го года. Оно и понятно. В 1600-м Фёдор Романов был сослан Борисом Годуновым в провинцию, и только в 1620-м он смог заняться каким-то созидательным делом, не связанным с политикой.

Но находился ли насильно постриженный Филарет в месте своей ссылки всё это время? Нет, друзья мои, не находился! К тому же место его своеобразного заточения, до упомянутой всуе Липецкой губернии, было, скажем так, далековато. Обратился к историческим хроникам. Известно, что Филарет был освобождён Лжедмитрием I вроде как «родственник» из Антониево-Сийского монастыря в 1605-м году! А где же стоял тот славный монастырь? Неужели где-то в окрестностях Лебедяни? А вот и нет! Не там! В 2000 километрах от Лебедяни строго на север!

Сей монастырь, для тех кто запамятовал, был основан в 1520 году преподобным Антонием сотоварищи на реке Сия (приток Двины), которая и дала название обители. Ныне это Пинежский район Архангельской области. Сами понимаете,

создавать некое хранилище неких ценностей в окрестностях Липецка, Филарету было бы крайне затруднительно, физически пребывая в столь отдалённом регионе! Ведь даже в наше время это жуткая глушь, в которой можно молить Бога только об одном, что бы тот подсобил как-то поскорее оттуда выбраться! Наверное, именно этим с 1601 по 1605 годы и занимался там наш Фёдор Романов. Но, что же с ним происходило далее? А далее всё было ещё интереснее!

Филарет освобождается и переправляется поляками в Ростов, где мигом занимает важный церковный пост (митрополит Ростовский). Лжедмитрий I вскоре погибает, но его сменщику на посту Лжедмитрию II Филарет по-прежнему нужен. Он приближает к себе изгнанника и направляет его в Тушинский лагерь, где тот вынужден играть роль «нареченного патриарха». Его юрисдикция распространялась на территории, контролируемые «тушинцами», при этом он представлял себя перед врагами самозванца как его «пленник» и не настаивал на своём патриаршем сане. В общем, выкручивался бедняга как мог.

Излишне говорить, что и от Ростова, и от местоположения Тушинского лагеря до всё той же Лебедяни тоже было как до звёзд! Да и если быть искренним, то не до ценностей сейчас нашему герою, не до кладов. Голову бы на плечах сохранить! Но как же складывалась его судьба далее? Вы не поверите, но дальше всё было ещё круче!

В 1610 году Филарет был отбит («отполонён») у тушин-

цев, и вскоре назначен в посольство к Сигизмунду III. Не возражал там против избрания царём польского королевича Владислава Сигизмундовича, но требовал, чтобы тот принял православие. Участвуя в переговорах с его отцом под Смоленском и отказавшись подписать подготовленный польской стороной окончательный вариант договора, он был вновь арестован поляками в 1611 году. Только 1 июня 1619 года Фёдор Романов был освобождён (в порядке обмена пленными) в соответствии с условиями Деулинского перемирия 1618 года и был торжественно встречен сыном. Филарет прибыл в Москву 14 июня 1619, а 24 июня его интронизацию по чину поставления первого Московского Патриарха совершил бывший в Москве Иерусалимский Патриарх Феофан III.

Совершенно излишне теперь доказывать всем читающим эти строки, что отец первого царя из рода Романовых просто не имел и минутки свободной, для того, чтобы где-то в бескрайних полях Липецкой губернии прятать какие-то ценности в интересующий нас период. Говоря предельно коротко, до 1600 и после 1619-го ему совершенно незачем было что-то прятать! Потому, что у него и так всё было. А в этот промежуток времени, ни о каких тайных кладах он даже и помыслить не мог, поскольку был в дальних местах и совсем не по своей воле! От него не отходила охрана, свита и всевозможные соглядатаи со всех сторон. Так что бытующая где-то в неведомой Лебедяни легенда о мифическом кладе Филарета ни на минуту не может быть признана нами хоть сколь-

ко-нибудь достоверной! А значит, и проводить там затратные поиски совершенно бесперспективно.

Легенда об исчезнувших орденах

Старт этой, крайне запутанной, но до сих пор пахнущей многими и многими миллионами истории, был дан самым современным способом, т.е. через «Интернет». Пришло коротенькое сообщение от одного из тех неутомимых кладоискателей, которые проводят дни напролёт в Сети, выискивая там любые упоминания о каких-либо ценных находках или потерях. Сообщение выводило меня на жителя одного из подмосковных городов, активно ищущего контакты с людьми, сведущими в поисковых вопросах. Естественно я ему написал и предложил свои услуги с целью сделать его проблему достоянием гласности. Ведь самостоятельно разрешить назревшую проблему тот не мог по состоянию здоровья.

Если рассказать вкратце его легенду, то события развивались следующим образом. В конце восьмидесятых годов 20-го века некий офицер внутренних войск (назовём его Владимир) получил назначение в Забайкалье. Его часть базировалась в окрестностях города Улан-Удэ и свободное время значительная часть сослуживцев проводила, занимаясь охотой и рыбалкой. А этот город, если кто подзабыл, называвшийся до 1934 года Верхнеудинск, расположен в слиянии рек Уда и Селенга. И, следовательно, тот, кто желал в наибольшей степени насладиться дарами забайкальской фауны и флоры,

должен был непременно обзавестись водным транспортом.

Вот именно на этой почве у Владимира и завязалась дружба с одним из местных жителей, владевшим вместительной лодкой с мотором. За относительно небольшие деньги или просто за угощение, тот охотно отвозил служивых охотников в места, особенно богатые рыбой и зверем. Во время одной из таких вылазок и произошло событие, надолго запомнившееся нашему офицеру. Вот как он сам написал мне об этом эпизоде своей жизни.

«Однажды (еще в советские годы) мы были на рыбалке в районе г. N (извините, но здесь и далее все названия будут изменены, если вдруг кому-то будет все рассказанное интересно, то они смогут меня найти через Вас). Уже под утро, когда ребята из нашей компании уже спали, а я сидел на берегу, мне всегда нравилось посидеть в одиночестве на берегу, когда только ты и природа, ко мне подошел наш знакомый, присел и спросил «какое именно оружие я хотел бы приобрести для коллекции». Я был удивлен его вопросом и ответил, что, в общем-то собираю не коллекцию, а хочу просто иметь, как память у себя дома оружие времен революции: маузер, наган, кавалерийский карабин и пару казачьих шашек). Мы долго в этот раз проговорили, и он рассказал, что однажды на охоте в распадке «Х» провалился в пещеру, где нашел карабин, с которым иногда до сих пор ходит на охоту, рассказал, что там есть и другое оружие. Я ему сначала не поверил, но он уже позже показал мне два золотых

рублевика, которые по его словам он взял там же.

Мне тогда такие монеты не то, что видеть не приходилось, я про такие раритеты никогда даже и не слышал. В ходе разговора я поинтересовался, что там есть еще, но мой собеседник сказал только что там много каких-то ящиков и он не успел все просмотреть. На мой вопрос почему, он ответил, что увидел там «Бога», очень испугался и не помнит, как выскочил из пещеры с карабином в руках и двумя монетами. Когда я поинтересовался, что он будет делать со своими монетами, он ответил, что хочет вставить зубы, но боится, что его начнут спрашивать, где он взял монеты, а ему очень не хочется отвечать на эти вопросы. В общем, так они и лежали у него до его смерти, спрятанные под козырьком крыши. Уже спустя, какое-то время я спросил у этого охотника, почему он мне об этом рассказал и он ответил, что слышал от ребят, что некоторые мои предки были репрессированы еще до войны, так же как и его родители. Он просил меня, если пойдешь в пещеру, то возьми только то, что нужно, а остальное не трогай и рассказал, как найти пещеру в этом распадке.

Я, честно говоря, вообще-то не поверил в его слова, но одну попытку сходить к той пещере всё же предпринял. Взял с собой старшего сына и отправился на поиски, но с маленьким ребенком длительное хождение по сопкам затруднительно, да еще зимой… Короче мы в тот раз не добрались даже до распадка. Ну, а позже, как это всегда бывает, те-

кущие дела заели, а еще спустя какое-то время произошел развал Союза, и все как-то потихоньку забылось, стало не до этого. Через небольшое время я заменился в Московский военный округ, отсюда съездил на войну, получил небольшое ранение и чуть позже уволился».

В дальнейшем наш офицер начал интересоваться циркулирующими в тех местах историями и одну из них он однозначно связал с рассказом охотника. Дело происходило во время Гражданской войны (скорее всего осенью 1920 года). В один из прибайкальских посёлков пришёл пароход, сопровождаемый сильной охраной. Военные (и вроде бы это были семёновцы) конфисковали у местных крестьян всех лошадей, телеги и к тому же запретили выходить из домов. Чтобы приказ выполнялся неукоснительно, часть солдат патрулировала выходы из посёлка. Впрочем, всё окончилось благополучно. Через день лошади были возвращены, а отряд удалился восвояси. Но после этого в посёлке появились странного вида «денежные знаки», которые местные жители называли между собой «деньгами атамана Семёнова»!

Несколько слов стоит сказать и о довольно-таки знаменитом историческом деятеле, раз уж разговор зашёл про него. Родился Григорий Михайлович Семёнов в 1890-м году, и во время Октябрьского переворота ему было всего-то на всего 27 лет! Однако, несмотря на юные, по нашим меркам годы, он решил, что с коммунистами ему не по пути и принялся решительно им противодействовать. Воспользовавшись

изрядной неразберихой, царившей во всех уголках взбудораженной Российской империи, он сформировал свой первый конный отряд на деньги читинского совдепа. Впрочем, те довольно скоро поняли, кого пригрели «на своей груди», и верхнеудинские большевики попытались его разоружить. Семёнов оказал вооружённое сопротивление и пресёк их поползновения. Мало того, после этого он отправился в Читу, забрал причитающиеся для его отряда деньги, посадил за решётку главу местного совдепа Пумпянского и только потом ушёл в Манчжурию.

Там он не успокоился. Разоружив в Харбине пробольшевицки настроенные батальоны Русской армии, он во главе отряда в 559 человек вновь вернулся в Забайкалье, заняв село Даурия. Приказом по Сибирской армии (белых) от 10.09.1918 г. Семёнов был назначен командиром 5-го Приамурского корпуса. Но поскольку после переворота, сделавшего А. В. Колчака диктатором, он отказался признавать последнего Верховным правителем, то нашего юного героя незамедлительно разжаловали.

А дальше у него началась поистине головокружительная карьера и 23 декабря Семёнова назначили командующим войсками Иркутского, Забайкальского и Приамурского военных округов с производством в генерал-лейтенанты! Но и это ещё не всё. Указом Верховного правителя от 4 января 1920 Г. М. Семёнову была передана вся полнота военной и гражданской власти на всей территории Российской Восточ-

ной окраины! Вот так, неплохо покуролесил в тридцать-то неполных лет. Немногие из современных героев могут похвастаться такими достижениями.

Но спросим себя, мог ли сам генерал-майор заниматься операциями по укрытию всяческого оружейного конфиската, наград и канцелярских принадлежностей? Точно знаю, нет. Другой вопрос, что Семёнов вполне мог отдать такое распоряжение командиру одного из подведомственных ему подразделений. Он был явно не глупый, и достаточно дальновидный человек, чтобы понять, что Белое движение идёт к краху. И, разумеется, прекрасно понимал, что следует заранее начинать вывозить из Иркутска всё более или менее ценное имущество, пока всё не рухнуло, и не началась заключительная и как обычно бывает, самая разрушительная паника.

А путь из Иркутска в Манчжурию как раз и вёл через Байкал, Верхнеудинск (современный Улан-Удэ), Читу и Хайлар. Значит, вполне возможно, что именно какая-то часть семёновцев (которых можно было отличить по буквам «**АС**» на погонах), осуществляла вывоз материального наследства, терпящего крах колчаковского режима. Но далеко везти свой груз эвакуационная команда явно была не намерена. Заметьте, едва форсировав Байкал, они конфискуют несколько десятков лошадей и запрещают жителям покидать свои дома.

Зачем конфисковали лошадей понятно. Ящики (о которых упоминал старый охотник) на руках не понесёшь, тем

более в гористой местности. Но зачем жителей-то заставили сидеть на месте? Тоже понятно. Яснее ясного, что те, кто задумывал спрятать тяжеленное имущество Директории, заранее знали, где расположены те самые разветвлённые пещеры, в которых планировалось устроить тайник. И они решили обезопасить себя во время перегрузки и размещения многих десятков (если не сотен) ящиков с разным добром. Только успешно спрятав груз и подорвав за собой вход в лабиринт, обозники посчитали свою задачу успешно выполненной. И то, что они вернули взятых напрокат лошадей, означает только одно, сами они вовсе не планировали уходить в Китай. По заранее согласованному плану они должны были вернуться в Иркутск той же самой дорогой.

Вот тут-то вполне возможно и была утрачена какая-то часть тех самых орденов-снежинок. Может быть, при перегрузке разбился ящик. А может быть, его открыли специально из-за простого любопытства. А затем принялись раздавать потерявшие смысл и ценность ордена в качестве платы за еду в придорожных корчмах и при покупках фуража для лошадей. Ведь не секрет, что атаман Семёнов и раньше печатал свои деньги. Так что и его подчинённые запросто могли объявить странного вида железки новыми российскими денежными знаками. Отсюда и осталось выражение «семёновские деньги». То есть нечто ненастоящее, временное, как и сама власть бравого атамана.

Впрочем, сохранились достаточно подробные описания

тех странных «денег», поскольку их находили даже в огородах при посадке картошки. Это были как бы металлические «снежинки», украшенные кедровыми ветками, с двумя горностаями и ещё какими-то животными. Но известно ли что-нибудь о том, как именно выглядели наградные знаки Омской директории? Ведь ни один фалерист не может похвастать тем, что у него в коллекции имеются подобные ордена. Мне удалось найти лишь официальное описание одного из колчаковских орденов, по которому современные умельцы делают реконструкции. Я намеренно несколько сократил текст, дабы выделить наиболее интересные для нас моменты.

ОРДЕНЪ «ОСВОБОЖДЕНІЯ СИБИРИ»

Орденъ имеетъ четыре степени.

По своему наружному виду орденъ «Освобожденія Сибири» представляетъ изъ себя:

1) Первой степени: Крестъ золотой, большой, въ который съ лицевой стороны вделанъ малахитовый крестъ меньшаго размера такимъ образомъ, чтобы по краямъ последняго была видна золотая оправа. Толщина малахитоваго креста постепенно къ концамъ уменьшается. Ширина креста, какъ золотого, такъ и малахитоваго къ концамъ постепенно суживается. Въ середине лицевой стороны малахитоваго креста золотая накладная дата «1918». Носится черезъ

правое плечо на ленте шириною въ два съ четвертью вершка о двухъ полосахъ, изъ коихъ одна белая, другая зеленая, со звездой на левой стороне груди. Звезда осьмиугольная, кованная, серебряная, позлащенная, причемъ средніе вертикальные и горизонтальные лучи длиннее прочихъ. Вертикальные и горизонтальные лучи звезды блестящіе и украшены каждый пятью хризолитами. Прочіе лучи матовые. Въ средине звезды плоское поле, въ которомъ поставленъ малахитовый въ золотой оправе крестъ, доходящій до краевъ поля. Въ середине креста золотая накладная дата «1918».

2) Второй степени: Крестъ подобный установленному для первой степени, но меньшей величины, носится на шее, на ленте въ одинъ съ четвертью вершка шириною.

3) Третьей степени: Крестъ еще меньшей величины, носится въ петлице на ленте шириною въ три четверти вершка.

4) Четвертой степени: Крестъ скандированный, такой же величины какъ предыдущій, покрытый съ лицевой стороны зеленой эмалью. Въ середине лицевой стороны креста дата «1918». Носится въ петлице на ленте шириною въ полвершка.

5) Къ знакамъ ордена «Освобожденія Сибири», когда онъ жалуется за военные противъ непріятеля по-

двиги, присоединяются мечи въ виде двухъ на-крестъ лежащихъ казачьихъ шашекъ стараго образца. На звезде мечи серебренные.

***

Как видите, в описании данного ордена нет ни кедров, ни соболей, ни вообще чего-либо подобного! Впрочем, не будем отчаиваться. Скорее всего, это была только декларация намерений на разработку наградного знака. Ведь в сентябре 1991 года при передаче на государственное хранение архивных документов КГБ в фондах Тюменского управления госбезопасности специалисты обнаружили чекистскую ориентировку 20-х годов — описание орденов «Освобождение Сибири» и «Возрождение России». Но ведь в дореволюционной российской наградной системе их не было! Откуда же они взялись? Как выяснилось, ещё 23 июня 1918 года в занятом восставшими против советской власти чехословаками и белогвардейцами Томске на совещании Сибирской областной думы было создано так называемое Временное сибирское правительство. Его возглавил известный в то время П. В. Володарский. Уже 6 июля был обнародован декрет о государственной самостоятельности Сибири, отмене царской наградной системы и введении собственной геральдики. Новое правительство, в частности, учредило два ордена — «Освобождение Сибири» и «Возрождение России».

Вот какое давалось описание первого из них: «Общая форма ордена — сильно стилизованная снежинка. В центре ордена — сибирский герб с присоединенным к нему сверху гербом России. Между концами ордена изображены: вверху кедровые ветки с шишками, а под ними два горностая, в нижней части — головы мамонтов. Ордена с мечами — военные, без них — гражданские».

Ага, это уже ближе к истине, вернее к рассказу Владимира! Вероятно, как это довольно часто бывает при разработке наградных знаков, имелось несколько эскизных, предварительных вариантов. В конечном счёте, был отчеканен тот самый, с шишками, соболями и мамонтами. Простенько и со вкусом! А ордена, подразумевавшие крайне трудоёмкое изготовление и ювелирную подгонку малахитовых крестов, оказались совершенно нетехнологичными в условиях всеобщей военной и политической неопределённости. Таким образом, мы можем с уверенностью говорить о том, что спрятанные у Селенги орденские знаки однозначно принадлежат именно Омской Директории.

Существование этих наград, впрочем, оказалась весьма коротким. После военного переворота 18 ноября 1918 года, устроенного Колчаком, их незамедлительно упразднили. Любимое в сибирской символике сочетание белого и зеленого цветов (бело-зеленые кокарды на головных уборах, шевроны на левом рукаве формы, обшивка гимнастерок, короче, все, что напоминало о провозглашенной автономии Си-

бири) было решительно изгнано из вооруженных сил. А изготовленные из драгоценных металлов ордена Временного сибирского правительства Колчак, как непримиримый противник любой самостоятельности, распорядился приобщить к золотому запасу России и велел хранить их в церковных кладовых Тобольска вместе с драгоценной храмовой и прочей утварью.

На то, что тайник организован именно колчаковцами указывают и ещё кое-какие приметы. При личной встрече Владимир упомянул о том, что старый охотник говорил не только о наличии большого количества однотипных ящиков, но и на то, что имущество в них было тщательно упаковано. Вооружение смазано, а всякая мелочёвка расфасована по мешочкам. Кроме того он гарантировал бывшему офицеру, что тот легко выберёт там себе любое оружие для личной коллекции. Поскольку по его словам в пещере хранились не только кремнёвые ружья и охотничьи карабины, но и всевозможное короткоствольное оружие, такое как «наганы», «маузеры» и даже весьма распространённые в Сибири американские «кольты»!

Раз в пещере были найдены тщательно упакованные вещи, то можно предполагать, что к захоронению данного имущества готовились задолго и основательно. Осуществить такое в полной мере могла лишь достаточно властная и в то же время богатая организация. Колчаковское правительство такое организацией являлось в полной мере. Но отчего же

там было собрано столь пёстрое вооружение? Да именно оттого, что это было не снаряжение регулярных воинских частей, поскольку те, как правило, укомплектовывались однотипным оружием. Разнокалиберное вооружение — это то, что было конфисковано у местного населения в процессе отступления колчаковцев к Иркутску, в качестве меры «разумной предосторожности».

Кстати сказать, на последнем этапе функционирования Омского правительства его главой был кадет В. Н. Пепеляев, ранее занимавший пост министра внутренних дел. Именно он отдавал приказы о разоружении населения, и именно он потом разделил с А. В. Колчаком горечь поражения. Ведь узнав о захвате Колчака, В. И. Ленин дал указание его расстрелять якобы по решению местных властей, опасавшихся освобождения адмирала наступавшими на Иркутск войсками В. О. Каппеля. Распоряжение было передано Иркутскому ревкому через члена РВС 5-й армии И. Н. Смирнова. Колчак был расстрелян вместе с председателем Совета министров В. Н. Пепеляевым 7 февраля 1920 года в 5 часов утра на берегу реки Ушаковки. Трупы расстрелянных были потом опущены в прорубь на реке Ангаре…, вроде как…

Исходя из вышеизложенного, мы можем даже не сомневаться в том, что в подземном тайнике скрывается заблаговременно вывезенное имущество, принадлежавшее центральному аппарату колчаковского правительства. Итак, что же реально можно отыскать в подземном лабиринте? Несо-

мненно, архивы белого движения в Сибири, кстати, до сих пор не найденные. Значительное количество конфискованного оружия и боеприпасов. Старые пишущие машинки, бухгалтерские гроссбухи, те же ордена и, вполне возможно, некоторое количество денег (как бумажных, так и металлических). Причём последних там не может быть много по определению. Да, вероятно какую-то часть наличности там оставили, как в таких случаях говорят, на всякий случай. Но, несомненно, основную часть царского золота, отступавшие несколько позже в Манчжурию отряды белой армии увезли с собой.

Ведь для чего устраивался тайник в подземном лабиринте? Разумеется, только для того, чтобы заранее освободиться от всего лишнего. Удирать, если приспичит, всегда лучше налегке. И в самом деле, кому нужно было таскать за собой разнокалиберное и в основном гражданское оружие? Зачем хранить и перевозить какие-то там самодельные ордена, если разгромлены награждаемые ими армии? Зачем нужны какие-то архивы, если в панике бегут составлявшие эти бумаги чиновники? Да, вполне допускаю, что среди укрытого в пещере имущества могло оказаться довольно значительное количество церковной утвари и серебряной монеты. Её, кстати сказать, тогда бросали без сожаления. Тот же барон Унгерн попросту утопил ту часть своей казны, которая была в виде серебряной чеканки. И потом о ней ни разу не сожалел. И должностные лица директории могли столь же бестрепетно

расстаться со многими пудами дешевого, но весьма увесистого серебра.

— А как же те два золотых империала, приберегаемых охотником на зубные протезы? — укорит меня бдительный читатель.

Боюсь, дорогие мои, что те случайно оказавшие там две золотые монетки (или даже чуть больше), были единственными ценными предметами, которые посчитал возможным прихватить с собой наш охотник. Это уж потом, для пущей «убедительности» он присочинил историю про якобы привидевшегося ему «Бога», нагнавшего на беднягу страх и панику. На самом деле все собранные в пещере «богатства» по сути своей не представляли для него особой ценности. Отсыревшая бумага из архивов не годилась даже на самокрутки. Колчаковские ордена так же были совершенно ни к чему, поскольку в забайкальской тайге днём с огнём не встретишь человека, коллекционирующего подобные раритеты. Вот работоспособный карабин — другое дело! С ним хотя бы можно было ходить на охоту. А из золотых монет действительно можно было сделать зубные протезы. Всё остальное было для него просто совершенно ненужным мусором. Не будем забывать, что дело происходило в советские времена, и попадись он хотя бы с горстью царского серебра или золота, ему бы пришлось до конца своих дней объяснять «компетентным органам» откуда он взял данные ценности и куда намеревался потом их деть!

Таким образом, мы можем с определённой уверенностью констатировать, что общая стоимость Селенгинского тайника не так уж и велика. И об этом красноречиво свидетельствует сразу несколько фактов. Взять хотя бы самого старого охотника. Что бы он там не говорил, но несомненно, что он тщательно осмотрел ту часть подземного клада, до которой было легче всего добраться, и где было хоть немного светло. Видимо он довольно скоро понял, что то, что он случайно обнаружил, в жизни советского гражданина может принести скорее проблемы, нежели какое-то благополучие. Именно поэтому он ничего конкретного не сказал о кладе своим родственникам (зачем родне-то гадить?). Именно поэтому и данные о местоположении тайника слил именно офицеру внутренних войск (считай военному представителю КГБ), а не кому-либо иному. И в этом был прямой и трезвый расчёт. Глядишь, товарищ начальник за такой подарок замнёт дело с нелегальным карабином, да и золотишко трофейное не будет отбирать. Это он нашему краснопогоннику две монетки показал, а сколько он оттуда вытащил на самом деле, ведь никто же не знает. И эти-то две монеты были продемонстрированы моему корреспонденту с той целью, что если и их отнимут, то не так жалко, ведь дома ещё мешочек запрятан.

Кроме того, довольно странно то, что к оставленному вблизи Улан-Удэ довольно-таки массивному захоронению впоследствии никто не возвратился. А так бывает довольно

редко. Это я по своему опыту знаю. Когда готовил к печати книгу «**Пропавшие трофеи императора**» повествующей о брошенных в России наполеоновских ценностях, то столкнулся с массовыми просьбами бывших противников России, прямо противоположного свойства. О чем просили? Да всё о том же. Просили и умоляли дозволения приехать в нашу страну и пальчиком указать, под каким кустиком был закопан тот или иной бочонок, или даже целый обозик! Причём не просто так показать, а за половину найденного сокровища! Замученный потоком такого рода просьб император Александр I даже издал особый указ раз и навсегда запрещавший подобные посещения!

А здесь вроде как огромная куча всяческого имущества спрятана в довольно-таки глухом месте и… никого! Прятало все эти «сокровища» множество людей и при желании или необходимости какая-то их часть вполне могла бы вернуться, разобрать завал и добраться до спрятанного добра. Но, желающих почему-то не нашлось. Иначе воспоминания о таких визитах местные следопыты наверняка передавали бы из поколения в поколение. Отчего же никто даже не попытался добраться до бесхозных сокровищ? Видимо потому, что реальная ценность складированных в пещере вещей была слишком незначительна, чтобы из-за них пускаться в дальний путь, рискуя при этом головой.

Да, конечно, если бы удалось его отыскать сейчас, да перевезти содержимое этой пещеры в Москву, то наверняка на-

шлись бы любители до какой-то части старинных раритетов. Вот только надо трезво представлять себе, что осуществить подобную операцию весьма непросто. Прежде всего, значительная стоимость самих поисковых работ в столь удалённом регионе, делают их доступными совсем не рядовому представителю «среднего класса». В самом скромном варианте вся операция по поиску и перемещению найденного потребует никак не менее миллиона, (а то и двух) рублей наличными. Да кроме того придётся внести денежный залог, за устное указание, в каком именно таёжном распадке необходимо проводить поиск заветной пещеры.

Где ты, Георгий Победоносец?

Когда в июне 2012 издательство «ВЕЧЕ» выпустило в свет книгу «**Клады Отечественной войны**» то мне казалось, что свою задачу я выполнил на все 100%. Истории заложения и двухвековых поисков более чем сорока достаточно крупных кладов времён той войны, были описаны в ней во всех подробностях. Но буквально через несколько дней после того как я с удовольствием раскрыл роскошно изданный том, в мои руки попали воистину сенсационные материалы, касающийся ещё одной весьма значимой пропажи той поры. Мало того, материалы эти сопровождались прямой просьбой срочно начать поиски. Но где и как искать пропажу, если ничего не знаешь о самом предмете поисков?

Итак, речь в данной главе пойдёт о совершенно уникальном артефакте, некогда без малейшего преувеличения составлявшим гордость не только Москвы, но и всей Российской империи. Я хочу поговорить с вами о величественной статуе Георгия Победоносца, некогда венчавшей большой купол здания Сената в Кремле. Разумеется, для начала следует сказать хотя бы о несколько слов о том, что представляла собой данная статуя — герб Москвы и чьими усилиями она была вознесена на столь почётное место. Т.е. как водится у писателей, имеющих дело с историческими ретроспективами, начну свой рассказ издалека.

В 1787 г. Императрица Екатерина II отмечала 25-ю годовщину своего царствования на Российском престоле. К этой дате в Московском Кремле было завершено строительство величественного здания Сената. По прибытии в Москву на празднование столь значимого юбилея, 1 июня императрица вместе с сенаторами обозревала новую постройку. После этого, обратившись к архитектору Казакову, она сказала: — Как всё хорошо, какое искусство! Это превзошло мои ожидания, нынешний день ты подарил меня удовольствием редким…

Большой интерес и неподдельные восторги новая постройка вызвала и у московской общественности. Ротонда Сената без малейшего преувеличения была названа Русским Пантеоном. Купол ротонды из-за его размеров дружно признали чудом архитектурного искусства. А венчало его ещё одно чудо, причём куда как более значимое. Сверкая огнем на многие кварталы вокруг, горел над городом объёмный герб Московской губернии — статуя Георгия Победоносца на вздыбленном коне. Статуя, между нами говоря, совершенно нерядовая. Шеститонный монумент был отлит из цинка и покрыт толстым слоем золота, позволявшим ему многие столетия горделиво красоваться на самой выигрышной точке Кремля. Нечего и говорить о том, что бесценная скульптура являлась даром Екатерины торговой столице Российской Империи.

Конечно же столь значимый подарок стал гордостью не

только Кремлёвских обитателей, но и всего города. 6 мая в день церковного праздника памяти Св. Георгия на главу его возлагался лавровый венок, а конь украшался гирляндами живых цветов. В центре Красной площади, в непосредственной близости с тем местом, где ныне стоит красно-коричневый зиккурат мавзолея Ленина, служился молебен, а вокруг кремлёвских стен совершался крестный ход.

Впрочем, так случилось, что с самого начала эта воистину великолепная статуя не сразу обрела своё местоположение, что крайне пагубно отразилось на её дальнейшей судьбе. Если посмотреть на изначальные планы, относящиеся к периоду возведения Сената, то можно видеть что первоначально святой должен был стоять на малом куполе Сената, посредине его главного фасада. Да, несомненно, с композиционной точки зрения (так изображено на чертеже самого Казакова), такое положение статуи представлялось вполне оправданным. И Екатерина, рассмотрев представленные архитектором предварительные планы, начертала под рисунком «Быть по сему!».

Однако по завершению строительства памятного комплекса выявилась одна хотя и мелкая, но неожиданная неприятность. Столь великолепно сделанная позолоченная статуя была хорошо видна только с самой Сенатской площади! Иными словами, лицезреть её во всей красе могли лишь те, кто прогуливался по узенькой площадке, лежащей между Сенатом и Арсеналом. Поэтому столь помпезную и значи-

мую для города статую быстренько перенесли. Установили её на другой, несколько большой по размерам купол Сената, причём так, что гордый всадник был виден всем москвичам, поскольку возвышался прямо над кремлёвской стеной. Ныне же, на данном месте установлен флагшток с государственным триколором (какое всё же неприятное для слуха слово), а ранее, именно на этой точке находился смотрящий на восток Святой Георгий!

И этому факту (т.е. самому факту переноса) есть неоспоримые доказательства. Вот перед нами картина акварелью академика живописи Фёдора Яковлевича Алексеева, датированная концом 18 и началом 19 века. Справа скрупулёзно изображён парадный фасад Сената. Прекрасно виден и малый его купол над главным входом, но статуи на нём нет. Другая его картина — «Московский Кремль. Общий вид стены по Красной площади от Никольских ворот». Статуя изображена на новом месте, рядом со Спасской башней. А вот ещё одна картина — «Вид Старой (ныне Красной) площади в Москве». Чётко видно, что сверкающий Св. Георгий уже красуется на большом куполе Сената, аккурат над кремлёвской стеной.

Именно там один из двух небесных покровителей Москвы благополучно простоял до рокового момента захвата Москвы войсками Наполеона в 1812 году. В здании Сената как раз и располагался Главный штаб Великой армии и, конечно же, столь лакомый, а главное столь символический трофей

не мог долго оставаться незамеченным. Статую вскоре сняли, расчленили на составные части и в двух больших ящиках подготовили к отправке во Францию…

А далее начинаются сплошные загадки, догадки и спорные гипотезы. Для начала предметных поисков её у нас имеются лишь два неоспоримых факта. Факт первый — статуя была снята и вывезена из Кремля. И факт второй — на своё законное место Св. Георгий уже не вернулся. Что же следует из этих двух непреложных фактов? Не так уж и мало. Рассмотрим некоторые варианты. Ясно, что два достаточно тяжёлых и неповоротливых ящика в экстремальных условиях русского бездорожья вполне могли в какой-то момент потерять друг друга среди бесконечной массы отступающих войсковых повозок и…, больше никогда уже не встретиться!

Поэтому и у каждого их двух транспортов вполне могла сложиться своя собственная история бесславного отступления и бесследного исчезновения. И истории эти могли быть самыми трагическими. Хотя точные геометрические размеры транспортных контейнеров для столь необычного трофея мне не известны, но чисто сравнительным анализом было установлено, что возможная длина ящиков вряд ли была меньше 4-х метров. Что это означает в условиях отступления в условиях большого скопления транспортных средств и естественной конкуренции за место на достаточно узком дорожном полотне?

Ответ предугадать нетрудно. Большие габариты и масса

повозок, влекомых плохо накормленными лошадьми, делают их шансы на успешное продвижение к конечной цели (Парижу) воистину призрачными. Заказчица поисков данного исторического раритета (предварительно посоветовавшись с каким-то экстрасенсом) клятвенно уверяла меня в том, что поиски следует проводить в районе белорусского городка Ошмяны. Почему именно там? По её словам всё было предельно просто. Мол столь ценные предметы французы наверняка везли с собой вплоть до того момента, как стало известно о том, что Император Франции покинул свою окончательно растрёпанную армию и отбыл восвояси. Только в тот роковой момент, взявший на себя бремя управления армией Мюрат, якобы приказал срочно утопить перевозимые под охраной гвардии трофеи и ценности.

Чисто теоретически подобное, конечно же можно было е вообразить, но только с определёнными оговорками. Исследователи судеб вывезенных из Москвы сокровищ за прошедшие годы сумели восстановить судьбу многочисленных ценных захоронок, сделанных отступающим французами. Могу авторитетно подтвердить, что наиболее ценные артефакты, так сказать нетленные ценности, были именно утоплены, а не зарыты. Примеров этому — множество! Практически все они описаны в моей книге «**Клады Отечественной войны**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.